Артур Конан Дойл
Весь ШЕРЛОК ХОЛМС
Этюд в багровых тонах
Клуб Семейного Досуга

Артур Конан Дойл

Этюд в багровых тонах (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203932
Этюд в багровых тонах (сборник): Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2016
ISBN 978-617-12-0323-5, 978-5-9910-3457-9, 978-617-12-0321-1, 978-617-12-0319-8, 978-617-12-0322-8

Аннотация

«…Можно сколь угодно ругать книги о Шерлоке Холмсе за отсутствие стиля и схематизм сюжета, за примитивность литературной техники и самодовлеющую интригу, за то и за это, а главное – за то, что автор везде идет на поводу у публики, которой хочется, чтобы ее развлекали и только (а Конан Дойл и не скрывал, что эти книги написаны им в «другой, более непритязательной манере», чем остальные, и «под заказ»), но невозможно отрицать одного: с образом самого Шерлока Холмса писатель угадал. И не просто угадал: Шерлок Холмс вошел в литературу, как кинжал в ножны – на свое место, которое было пустым и ждало именно его…»

Содержание

Быть Конан Дойлом 5
I 6
II 8
III 11
IV 15
V 21
Этюд в багровых тонах 25
Часть I 25
Глава I 25
Глава II 30
Глава III 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Артур Конан Дойл
Этюд в багровых тонах

Вступительная статья и примечания кандидата филологических наук, доцента *А. П. Краснящих*

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

* * *

Быть Конан Дойлом

Можно сколь угодно долго рассуждать о вреде массовой литературы, бичевать дурновкусие публики и пугать всех приближающимся эстетическим апокалипсисом, а все равно твои дети и дети твоих детей начнут с того, что прочтут всего Дюма, Жюля Верна и Конан Дойла, а уж потом – кто в двадцать, кто в тридцать, а кто и на закате жизни – возьмутся за Джойса, Пруста и «Записки Мальте Лауридса Бригге». А если и не возьмутся – что ж, литература, искусство – только часть (лучшая или нет – можно спорить) жизни, мира; а мир, как всегда, куда больше нуждается в просто честных и порядочных людях, чем в профессиональных читателях. Массовая же литература, особенно та, что еще так не называлась и смело смотрела вперед, не боясь быть непонятой, не услышанной «широким потребителем», как раз и учит понятиям чести, порядочности, благородству. Учит как умеет – бесхитростно и часто безыскусно: на первом месте – интрига и крепко сбитые, запоминающиеся образы; а стиль, красота языка… этим ведь можно и пожертвовать, бог с ним. О'кей, соглашается массовый читатель, кому он нужен, этот стиль, мне – нет. Давай драйв. И писатель дает, все сильнее и сильнее веря, что успех – единственное мерило литературного мастерства, а сама литература – это шоу, только шоу и ничего кроме шоу.

I

Конан Дойлу с собой повезло: он не считал себя ни выдающимся, ни каким бы то ни было значительным писателем. Мастеровым – да, хорошим ремесленником от литературы, но не больше. Больше – это Вальтер Скотт, Эдгар По, Стивенсон – вершины. Учителя, основоположники жанров, в которых он попеременно работал и которые сделал сверхпопулярными: исторический роман, детектив, хоррор, мистика, приключения. Кроме того – фантастика, социально-бытовой роман, пьесы, путевые очерки, роман воспитания, драматургия, путевые очерки, автобиография, публицистика, труды по спиритизму; в семидесятитомном наследии Конан Дойла – четыре сборника стихов, военные хроники, пятьсот лекций на злободневные и военные темы, автопародии и даже либретто оперетты. Проблема, если это действительно проблема, а не обычное явление в искусстве, в том, что почти все это не пережило своего автора, а то и появилось на свет уже мертворожденным для литературы. Даже исторические романы, которыми Конан Дойл гордился и которые писал «для вечности», ничего нового в литературу не добавили – по сравнению с тем же Вальтером Скоттом. Самый любимый, «Белый отряд» («Я никогда не создам ничего лучше!»), выдержавший при жизни Конан Дойла пятьдесят переизданий и включенный в обязательную школьную программу по английской литературе, – и тот со временем канул туда же, куда канули произведения всех других, писавших «под» Вальтера Скотта.

Парадоксально, но самыми жизнеспособными оказались те вещи Конан Дойла, которым он сам явно не уготавливал вечности: сбегающиеся в циклы рассказы, повести о приключениях профессора Челленджера, бригадира Жерара, Шерлока Холмса. Последнего, принято думать, Конан Дойл с определенного момента невзлюбил (мы чуть позже не-много поспорим об этом), полагая, что тот исковеркал ему литературную карьеру. Бедный Конан Дойл: в глазах миллионов нынешних фанов-«шерлокианцев» он всего-навсего литературный агент доктора Ватсона.

Задира и хвастун Челленджер; хвастун, рубака и любимец женщин Жерар; эстет, жаждущий приключений мысли, и тоже порядком хвастун Холмс – тип, хорошо известный в литературе и которого литературе не будет хватать всегда. Хвастовство – вообще очень важная черта характера, сюжетообразующая (да и, если уж на то пошло, вся литература в целом, любой созидающий акт, вся жизнь – это тоже род хвастовства: смотрите, что я могу). Но дело, конечно, не только в вызывающем улыбку образе хвастуна – несомненной удаче Конан Дойла; образ был бы неполон, если бы конандойловские герои не были способны на подвиг и не совершали его во имя… да чего угодно: науки, своей страны, победы над врагом. Самый главный робин гуд из них, разумеется, Шерлок Холмс: он идет на подвиг просто так, потому что бездействие вызывает у него глубокую депрессию. Все знают: для Холмса распутать преступление – это полдела, надо восстановить справедливость, а вопрос, платежеспособен ли клиент, вообще при этом не имеет никакого значения.

Интересно, знал ли Конан Дойл, создавая пятьдесят шесть рассказов и четыре повести о приключениях Шерлока Холмса, что на самом деле пишет не рассказы и повести, а сказки? Современные городские сказки, где вместо дремучего леса – зловещий, туманный, полный затаившейся угрозы Лондон. Искусственное освещение, скоростной транспорт, радио, телефон, кинематограф – все это появилось в конце девятнадцатого века и воспринималось тогдашним современником, пусть и горожанином до мозга костей, как нечто нематериальное, не вполне реальное, сказочное. Уж слишком резко научно-технический прогресс совершил скачок. Откуда-то из мрака, куда никогда не проникает свет газовых фонарей, вылазят сказочные чудовища, принимающие на время облик бандитов, грабителей, заговорщиков, и никому, даже всему Скотленд-Ярду, с ними не совладать. Одна надежда на сказочного

героя, живущего на Бейкер-стрит, 221 – Б и обладающего магической силой – силой мысли (а какая иная сила может быть более действенной в эпоху научно-технической революции?).

Первым, кто если не понял, то уж точно почувствовал сказочность приключений Шерлока Холмса, был Корней Чуковский: «‹…› Шерлок Холмс обладает почти чудодейственной мыслительной силой ‹…›», «Эта наблюдательность кажется почти сверхъестественной ‹…›», «Все эти догадки (Шерлока Холмса – А. К.) подтвердились. Вначале они казались читателю чудом ‹…›».

Сказка… Неоромантики – а именно по их ведомству проходит Конан Дойл в школьных и вузовских учебниках всего мира – были жутко увлечены сказками. «Новая тысяча и одна ночь» (1882) Стивенсона. Две «Книги джунглей» (1894, 1895) Киплинга. А «Копи царя Соломона» (1885) и «Дочь Монтесумы»(1893)Хаггарда, «Каприз Олмейера» (1895), «Лорд Джим» (1900), «Сердце тьмы» (1902) Конрада? А формально не неоромантик, но по существу – еще и какой! – Оскар Уайльд, писавший самые что ни на есть сказки классические?

Считается, что неоромантикам было тошно наблюдать окружающую действительность – серо-серую, донельзя приземленную, погрязшую в буржуазном меркантилизме. Отсюда, из этого неприятия духовного убожества и мелочности человека, – и поэзия дальних странствий, жажда риска и приключений, и воспевание героического прошлого, и – главное – тоска по яркой, сильной, волевой личности, человеку с большой буквы. Да, это верно. В цикле о Шерлоке Холмсе сильная волевая личность постоянно действует: кого-то выслеживает, от кого-то прячется, стреляет, дерется, бежит. Но свои главные подвиги Шерлок Холмс совершает в тиши кабинета на Бейкер-стрит, уйдя в себя, разматывая нить запутанного преступления. Путешествие мысли, показывает Конан Дойл, может быть не менее увлекательным, чем путешествие в экзотические страны. И даже не менее опасным. Заключительная, самая важная часть каждого рассказа, каждой повести о Шерлоке Холмсе – это всегда отчет сыщика-консультанта о проделанном его мыслью путешествии, где компас – дедуктивный метод – указывает путь логике. Вот что придумал для нас Конан Дойл. Придумал ли?

II

Вначале был По… На самом деле это не совсем так. Вначале был Видок. Авантюрист экстра-класса, бывший каторжник и полицейский информатор Франсуа Эжен Видок основал в 1833 году в Париже первое в Европе частное «Бюро расследований» и набрал туда в качестве работников своих приятелей по уголовному миру. Предприятие оказалось настолько успешным, что парижская полиция – кроме шуток – осталась без работы. Потом Видок написал четыре книги воспоминаний, моментально завоевавших бешеную популярность – их читали повсюду, в том числе и в Америке, в том числе и Эдгар По, создавший – впоследствии – новеллы «Убийство на улице Морг» (1841), «Тайна Мари Роже» (1942), «Золотойжук» (1843)и «Похищенное письмо» (1845) – первые в мире детективные произведения. Так в литературе появился новый жанр. Название ему дадут чуть позже, сам же По называл свои сюжеты «логическими». В трех из четырех «логических» новелл действует сыщик-любитель Ш.-Огюст Дюпен, в «Золотом жуке» сыщика зовут Вильям Легран. Дюпен – интеллектуал-эксцентрик, делит кров с компаньоном, который является рассказчиком.

Дюпен – дьявольски (или божественно) умен; безымянный рассказчик – донельзя наивен, логические построения Дюпена для него как магия, откровение. Расследует преступление Дюпен не ради денег или славы, а исключительно чтобы развлечь себя. Знакомый образ, не правда ли?

«Логические» новеллы По начинаются с того, что Дюпен знакомится с обстоятельствами таинственного и запутанного преступления, далее – размышляет и выдвигает несколько равно правдоподобных версий происшедшего, а рассказчик-помощник участвует в их обсуждении и таким образом, конечно, вместе с уже попавшим на крючок интриги читателем, включается в соперничество с мэтром за истину. Затем – чтобы проверить свои логические построения – детектив выходит из дома, куда-то идет, что-то такое (читатель с компаньоном недоумевают) делает, потом возвращается к себе, усаживается поудобнее в любимом кресле, и вот заключительный аккорд – долгожданный отчет о проделанном мыслью гения путешествии в дальние страны, где царят коварство, ложь и предательство. Все это подается в форме лекции, тоном не без превосходства и насмешки, словно заносчивый профессор обращается с кафедры к туго соображающим студентам.

И наконец, загадка, которую разгадывает сыщик. В «Убийстве на улице Морг» Дюпен раскрывает преступление, кото рое произошло в комнате, откуда никто не выходил. В «Золотомжуке» Легран занят расшифровкой кода. В «Похищенном письме» Дюпен додумывается до гениального открытия, что лучше всего спрятано то, что лежит на самом видном месте. Первый тип интриги Конан Дойл использует в «Пестрой ленте», второй – в «Танцующих человечках», третий – в «Скандале в Богемии», – а потом, варьируя и миксуя, в том или ином виде повторит еще не раз.

А если учесть и то, что у По уже были не только сыщик-аналитик с напарником-повествователем, но и профессионально беспомощный, хоть и хорохорящийся не к месту полицейский префект (да-да, протоЛестрейд, протоГрегсон), то какие согласиться с Александром Куприным, сказавшим: «Но Конан-Дойль, заполонивший весь земной шар детективными рассказами, все-таки умещается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляр, в небольшое гениальное произведение Э. По – «Преступление на улице Морг»». И, стало быть, заслуга Конан Доила и весь секрет сверхпопулярности Шерлока Холмса лишь в количестве, а не в литературном качестве его приключений? То есть напиши Эдгар По не три новеллы о Дю пене, а шестьдесят, или убей Конан Дойл в 1893 году Шерлока Холмса навсегда, – и вся слава, лавина подражаний, сиквелов и экранизаций достались бы сыщику-любителю из Сен-Жерменского предместья, а не сыщику-консультанту с Бейкер-стрит?

В среде литературоведов и исследователей творчества Конан Доила принято отвечать на этот деликатный вопрос крайне осторожно и уклончиво. «Да, Эдгар По многое подсказал ‹…› детективному жанру. Однако Конан Дойл не был просто подражателем ‹…›. Он с талантом и размахом продолжал его поиски ‹…›, а главное, придал этому жанру форму развитую и законченную. В ряду знаменитых детективов ‹…› Шерлок Холмс, бесспорно, самое выразительное лицо, наиболее живой характер ‹…›». Илидажетак: «Принято считать, что Конан Дойл заимствует одну находку у По, другую – у Габорио, а третью – еще у кого-то. Но за этими рассуждениями мы забываем о том, что ‹…› он изобрел «загадочную отгадку», «таинственный ключ»».

Как бы то ни было, Конан Дойл учился мастерству не у одного По. По – отец детектива, если был отец, то должна быть и мать. Матерью детектива называли американскую писательницу Анну Кэтрин Грин. «Дочь юриста, она до тонкостей знала процедуру следствия <… >, а бурное воображение позволяло ей выдумывать страшные тайны и изощренные преступления. ‹…› Влияние Анны Кэтрин Грин особенно заметно в ранних рассказах о Холмсе: разделение повествования на собственно детективную часть и ретроспективу жизни главных героев ‹…› – типичногриновскийприем». Кстати, сам термин «детектив» придумала тоже Грин, и она же придумала первую в литературе женщину-сыщика – Вайолет Стрэндж (которая, согласно моральным нормам эпохи, посещает клиентов только в сопровождении своего брата).

И конечно, прославленный сыщик Лекок – точнее, его создатель, французский писатель Эмиль Габорио, автор «уголовных» (так они тогда назывались) романов «Дело Леру» (1866), «Преступление в Орсивале» (1867), «Рабы Парижа» (1868). «Лекок не только был мастером переодеваний, но применял научные методы – например, пользовался гипсовыми слепками, чтобы получить отпечатки ног преступника. Презрение Лекока к главе службы безопасности Жевролю предвосхищает стиль отношений между Шерлоком Холмсом и инспектором Лестрейдом ‹…›, адобродушный, но недалекий отец Абсент, товарищ Лекока, восхищающийся его умениями, возможно, стал прототипом доктора Ватсона». Уже в самой первой «холмсианской» вещи Конан Дойла, «Этюде в багровых тонах» (1887), и Лекоку, и Дюпену достается от сыщика с Бейкер-стрит: «Наверняка вы считаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент, – заметил он. – Но лично я считаю Дюпена посредственностью. ‹…› Да, не спорю, Дюпен обладал определенным аналитическим даром, но уж никак не был таким феноменом, каким его видел По». И далее: «Лекок – жалкий дилетант ‹…›. У него была только одна положительная черта – его энергия. ‹…› Перед Лекоком стояла задача выяснить личность заключенного. Я бы с этим справился за сутки. У Лекока на это ушло где-то полгода». Сурово, да?

По и Грин – американцы, Видок и Габорио – французы. Был ли Конан Дойл первым автором детективов в английской литературе? И да, и нет, но скорее – да. До него из англичан подходы к детективному сюжету совершали Чарльз Диккенс и Уилки Коллинз. Тогда это называлось «сенсационным» романом.

Любопытно, что, когда диккенсовский «Барнеби Радж» – историко-приключенческий роман с детективной интригой – по частям публиковался в журнале на протяжении 1840–1841 гг., По за несколько месяцев до завершения публикации написал на него рецензию, один в один предсказав, как и чем кончится дело. Говорят, что Диккенс, прочитав ее, воскликнул: «Этот По, должно быть, сам сатана!» В одном из последующихроманов, «Холодном доме» (1853), Диккенс показывает, как инспектор Баккет распутывает по ниточке преступление, а в оставшейся незаконченной «Тайне Эдвина Друда» (1870) – самом детективном из всех романов Диккенса – заглавный герой неожиданно исчезает после расторжения помолвки, и в его убийстве подозревают соперника (кстати, в 1928 году Конан Дойл – уже давно спиритуалист – вызвал дух Диккенса, и тот сказал, что всегда надеялся, что он –

Конан Дойл – завершит его произведение, пустив своего Шерлока Холмса по следу пропавшего героя).

Что касается Уилки Коллинза, то кто же не помнит его нашумевших и до сих пор любимых читателями «Женщины в белом» (1860) и «Лунного камня» (1868) – романов, которые при определенном угле зрения можно запросто считать детективными (многие так и делают). «Однако ни Диккенс, ни Коллинз не писали детективов в собственном смысле слова, «сенсационный» роман с загадочной интригой строился принципиально иначе: расследование преступления не стояло во главе угла и сыщик не был главным героем». Хотите – спорьте.

Из воспоминаний сэра Артура хорошо известно, что новеллами Эдгара По он увлекался еще в отрочестве. «Позднее он признавал, что ни один писатель, кроме Маколея и Скотта (а до них – Жюля Верна и Майн Рида. – А. К), так не отвечал его вкусам и литературным пристрастиям, как Эдгар Аллан По ‹…›». На всю жизнь По остался для Конан Дойла литературным кумиром номер один: «Он всегда утверждал, что Эдгар Аллан По – величайший мастер рассказа всех времен и народов».

По скончался в 1849 году в нищете и, в общем, безвестности. Как писателя По открыла сначала Европа, а потом уже состоялось его триумфальное посмертное возвращение на родину – в качестве классика национальной литературы. Бывают странные сближения судеб: с Конан Дойлом все вышло наоборот. Первой – как писателя – его открыла Америка, а уж за ней – родная Англия. Более того, именно благодаря Америке мы имеем не только «Этюд в багровых тонах», но и продолжение приключений Шерлока Холмса. После «Этюда» Конан Дойла увлекли новые замыслы: исторические романы «Мика Кларк» и «Белый отряд», к тому же английская критика на появление «Этюда» никак не отреагировала, почти не заметила его. А заокеанской публике и рецензентам, наоборот, детектив о приключениях Шерлока Холмса пришелся по вкусу, и в 1889 году главный редактор филадельфийского «Липпинкоттс мэгэзин», приехавший в Лондон открывать британскую версию своего журнала, пожелал встретиться с двумя молодыми английскими писателями – Конан Дойлом и Оскаром Уайльдом. Конан Дойла издатель попросил написать для журнала повесть с продолжением приключений Шерлока Холмса – так появился «Знак четырех», который и вышел в 1890 году. Оскар Уайльд написал «Портрет Дориана Грея» – свое, как мы теперь знаем, вершинное произведение.

III

Кому интересна тема «Конан Дойл и спиритуализм», пусть обратится к его трудам. Их у него немало: «Новое откровение» (1918), «Жизненно важное послание» (1919), «Спиритизм и рационализм» (1920), «Скитания спирита» (1921), «История спиритуализма» (1926), – и там есть все ответы на вопросы вроде «как создатель Шерлока Холмса стал мистиком, верящим в существование духов?».

Часто пишут, что его спиритуалистские работы – это совсем другой Конан Дойл; что крепкий здравый рассудок писателя подкосила смерть близких людей: сына Кингсли, брата Иннеса, двух племянников, зятя, брата жены, – погибших на Первой мировой и после нее кто от пули, кто от болезни; что Конан Дойла обманули, а он дал себя обмануть, и даже что… Но почему бы человеку не верить в то, во что ему хочется?

О чем говорится в книгах Конан Дойла по спиритуализму? Во-первых, покинувшие этот мир души в ином мире тоже обладают телом, и каждое выглядит так, словно находится в расцвете сил. Во-вторых, в потустороннем мире есть все, что и в земном, только оно нематериально: состоит из чистой сущности, эфира, газа, – и жизнь после смерти похожа на нашу. Но она лучше, чем наша, потому что дурные качества и черты после смерти сходят на нет, остается только хорошее – и оно в человеке (душе) развивается. В-третьих, боль, страдания, болезни, инстинкты, хлопоты – ничего этого по ту сторону жизни нет, и уже ничто не отвлекает от духовных поисков, все заняты творчеством и интеллектуальным самосовершенствованием. Четвертое и самое главное – на том свете души тоже живут семьями: ждут, ищут, встречают своих земных возлюбленных, родственников и детей и уже не расстаются с ними никогда. И пятое: контакт человека с духом не опасен ни для одного, ни для другого. Наоборот, вполне полезен.

Сказка? Да, сказка. А Шерлок Холмс не сказка? Попробуйте сказать, что его нет, тем, кто пишет письма на Бейкер-стрит.

Конечно же, Конан Дойла обвинили в манипулировании чувствами тех, кто потерял близких в Первой мировой; конечно же, все газеты называли его выжившим из ума маразматиком; конечно же, искали коммерческую подоплеку в его вере и обвиняли во лжи и фальши.

А Конан Дойл искренне верил. Верил, потому что знал. Знал, потому что получил доказательства. «В темноте высветилось лицо моей матушки, умиротворенное, счастливое, слегка склоненное набок, с закрытыми глазами. Моя жена, сидевшая справа, и дама, сидевшая слева от меня, обе видели ее так же отчетливо….В другой раз ко мне явился мой сын. Его беседу со мной слышали шесть человек, засвидетельствовавших это затем своей подписью. Беседа велась его голосом и касалась вещей, неизвестных медиуму….С помощью того же медиума, но в другой раз вернулся мой брат, генерал Дойл. Он рассуждал о здоровье своей вдовы. Она была датчанка, и он хотел, чтобы она обратилась к одному копенгагенскому массажисту, назвал его имя. Я навел справки и установил, что такой человек действительно существует. Откуда пришло это знание? Кто был так кровно заинтересован в здоровье этой женщины? Если это не был ее покойный муж, тогда кто же?»

Чтобы поделиться со всеми своим открытием, своей верой, Конан Дойл пишет статьи, издает книги, ездит с лекциями по всему миру и на все это тратит свои деньги. А вот что касается морали… да, тут есть моральная проблема, но она шире и глубже, чем вопрос: благородно ли обнадеживать человека, дошедшего до последних пределов отчаяния, таким вот способом, при помощи медиумов? Но, представим, некто вдруг получает доказательства, что то, что все привычно считают фокусом, дешевым трюком, самое что ни на есть реальное явление, за которым стоят четкие законы природы. Честно ли будет воспользоваться плодами этого открытия в своих, сугубо личных целях и не поделиться с другими людьми? Даже

заранее зная, что девять десятых отвергнут твое приношение и объявят тебя мошенником или безумцем? Безусловно, Конан Дойл отдавал себе отчет, на что он идет, когда на весь мир объявил о том, что поддерживает спиритуалистическое учение; и безусловно – как бы мы ни относились к его взглядам – это был смелый поступок.

К чести читателей и почитателей Конан Дойла, не все после этого от него отвернулись. Многие захотели и попытались понять писателя. «После публикации в 1918 году «Нового откровения», а в следующем году «Жизненно важного послания» журналистские нападки на Конан Дойла еще более участились. Если его литературный престиж приводил неофитов к вере, он же превращал писателя в естественный объект презрения, изливаемого прессой на его детище – спиритическое движение. В еженедельной литературной колонке лондонского «Санди экспресс» Джеймс Дуглас дал, кажется, самую честную, хотя и довольно предвзятую оценку новым взглядам Конан Дойла, озаглавив ее: «В своем ли уме Конан Дойл?» Дуглас признавался, что испытывал легкое презрение, берясь за одну из парапсихологических книг Конан Дойла, но, читая, несколько засомневался: «В его писаниях много крепкого здравого смысла. В этом здоровом теле здоровый ум». Дальше он пишет, что талант Конан Дойла – писателя и историка, его прозорливость в таких вещах, как подводная война, нельзя отбросить просто так. «Невозможно согласовать это с утверждением, что его рассуждения о смерти – бред сумасшедшего и ничего больше. Он заслужил право быть выслушанным, и, наверное, несправедливо отказывать ему в этом. Да, в спиритизме море, океаны лжи и глупости, но, возможно, есть и зерно правды»».

Учтем также, что переход Конан Дойла к спиритуализму произошел не в одночасье – раз, и агностик становится мистиком, – что писатель шел к спиритической вере всю жизнь – сомневаясь и ища доказательства. Те, кто пишет о морально сломленном под тяжестью страданий человеке, на старости лет давшем себя увлечь какой-то псевдонаучной галиматьей, забывают или вовсе не знают о том, что самые первые спиритические сеансы, в которых участвовал Конан Дойл, относятся не к периоду Первой мировой войны и не к двадцатому веку вообще, а еще к 1887 году, когда начинающий писатель вместе со своим другом, архитектором Боллом, на протяжении полугода, с января по июль, при помощи опытного медиума вызывали духов, общались с ними, получали от них послания и вели подробные протоколы этих бесед. В записной книжке Конан Дойла в рубрике «Прочесть за ближайший год» в то время появился список книг по спиритуализму – семьдесят четыре наименования, – которые он, как и планировал, не просто прочитал, но тщательнейшим образом проштудировал. Как видим, интерес Конан Дойла к этому вопросу был давним, а подход – вполне научным: за пять лет до первых спиритических опытов молодой врач навсегда порвал с католичеством и объявил себя агностиком, а науку – единственным способом познания мира.

Вера во всесокрушающие познавательные возможности разума всегда неплохо уживалась с непреходящим интересом к потустороннему миру в личности не только Конан Дойла – человека, но и Конан Дойла – писателя. Мистические рассказы в его творчестве чередуются с рассказами и повестями о строгом логике и приверженце здравого смысла Шерлоке Холмсе, и уже в паузе между двумя первыми произведениями о нем, «Этюде в багровых тонах» и «Знаке четырех», обнаруживается опубликованная в 1889 году мистическая повесть «Тайна Клумбера»: «Почти в каждой главе мы сталкиваемся с невероятными проявлениями паранормального: астральные проекции, прозрения, сверхчувственное восприятие и даже превращение материи, описываемое как способность «химическим путем разделять предмет на атомы и вновь сводить к изначальной форме»».

На этом тему «Конан Дойл и спиритуализм» можно завершить, но вы, я же вижу, ждете от меня историю о посмертном явлении писателя своим почитателям и сторонникам. Не стану вас разочаровывать. В тот вечер, 13 июля 1930 года, лондонский концертный зал «Альберт-Холл» собрал, еле вместил, десять тысяч человек. Все они пришли, чтобы

из первых рук получить доказательства посмертной жизни: уж кто-кто, а Конан Дойл просто не может не воспользоваться таким случаем и не явиться с того света своим приверженцам, чтобы окончательно рассеять их сомнения. Или может?

«Он здесь! Он здесь!» – закричала распорядительница церемонии миссис Роберте, известный медиум, когда напряжение от ожидания достигло предела и некоторые, самые нетерпеливые, направились к выходу. Затем подошла к вдове и сыновьям Конан Дойла и передала им послание от него. Что именно, никто, кроме семьи писателя, не услышал. Присутствующим оставалось довольствоваться выражением лица леди Конан Дойл и ее сыновей и верить или не верить в то, что миссис Роберте на самом деле общалась с духом писателя. Что же касается самой вдовы, то «до конца дней она отказывалась повторить услышанное и ограничивалась заявлением, что не сомневается в том, что это слова мужа. «Я также твердо уверена в этом, – сказала она корреспонденту в описываемый вечер, – как в том, что сейчас разговариваю с вами». Все заметили, с каким непритворным волнением она слушала медиума. Лицо ее сияло, взгляд был устремлен в некую точку в конце зала. Потом она смахнула влагу со щеки и отвернулась».

Сговор, правда, обман, самообман – каждый решает для себя самостоятельно, чем был этот вечер в «Альберт-Холле»; ясно одно: мир сверхъестественного – такая штука, веря в которую, очень легко можно стать объектом чьего-либо жульничества или розыгрыша. Сам же Конан Дойл – наверное, наиболее радикальный спиритуалист своего времени – везде искал доказательства присутствия невидимых сущностей и, конечно, легко попадал на удочку мошенников и шутников. Об одном из таких случаев, ставшим известным всему миру, и следует рассказать напоследок. Он тоже характеризует писателя как человека искреннего, но, увы, довольно наивного и простодушного.

Началось все с того, что однажды в йоркширской деревне Коттингли шестнадцатилетняя Элси Райт попросила у отца фотокамеру, чтобы со своей младшей кузиной, как она выразилась, «поснимать фей». Отец посмеялся, но камеру дал. Каково же было его удивление, когда на проявленных снимках он действительно увидел свою дочь в окружении маленьких крылатых фигурок. Два года фотографии фей лежали в семейном альбоме, пока волею случая не попали в руки создателя Шерлока Холмса. Писатель – дьявол любит такие совпадения – как раз заканчивал статью для журнала, она называлась «Данные о феях». Отдадим должное здравому рассудку Конан Дойла: перед тем, как опубликовать фотографии и объявить во всеуслышание, что они подлинные и что феи, стало быть, на самом деле существуют, он отдал снимки на экспертизу. И она не обнаружила ни следов ретуширования, ни двойной экспозиции, ни рисованных фигур или бумажных моделей. В общем, фотографии были признаны подлинными. Сенсация. Все газеты трубят о феях из Коттингли, и к девочкам один за другим едут медиумы, эксперты околовсяческих наук, просто любопытствующие – чтобы увидеть фей своими глазами и пообщаться с ними – некоторые, как рассказывают сами, небезрезультатно. Конан Дойл в 1922 году публикует книгу «Пришествие фей», в которой пишет: «Невозможно представить себе последствия того, что, как мы доказали, на нашей планете живет народ, быть может, столь же многочисленный, как человеческая популяция, ведет на свой странный лад свою странную жизнь и от нас отличается только длиной излучаемых волн…» И все это – на полном серьезе, давшем газетам повод публиковать злорадные отзывы с заголовком «Одураченный» и карикатуры, где верзила Конан Дойл водит хороводы с крошками-феями. От писателя отвернулись даже его «товарищи по оружию» – спириты, – считавшие, что этой своей историей с феями он подрывает авторитет спиритуалистического движения.

Постепенно все сошло на нет и позабылось. А через шестьдесят лет, полвека спустя после смерти Конан Дойла, восьмидесятиоднолетняя Элси Хилл, урожденная Райт,

и ее семидесятипятилетняя кузина Фрэнсис признались в розыгрыше: феи – всего-навсего куклы. Могло ли быть иначе?

IV

Вышедшее в 1965 году биографическое исследование о Конан Дойле, написанное американским критиком Д. П. Вудом, называется «Человек, ненавидевший Шерлока Холмса». Это стало расхожим местом в холмсоведении – говорить о том, что писатель не любил своего главного персонажа, тяготился его присутствием в своей жизни и писал продолжения его приключений исключительно радиденег. Равно как заявлять, что ранний «Шерлок Холмс» – это да, а поздний становится все схематичнее и схематичнее, фантазия автора оскудевает, а образ прославленного сыщика все больше напоминает некогда свежую и красивую, а теперь высохшую розу.

Конечно, во многом такое мнение сложилось благодаря признаниям самого Конан Дойла, говорившего: «Я написал о нем куда больше, чем намеревался, но мое перо подталкивали добрые друзья, которым все время хотелось узнать, что было дальше. Вот и получилось, что из сравнительно небольшого зернышка вымахало чудовищное растение». Или: «Я не хочу быть неблагодарным Холмсу, который во многом был мне хорошим другом, и если я уставал от него, то происходило это из-за того, что образ его не допускал никаких контрастов. Он является счетной машиной, и любой дополнительный штрих просто снижает эффект». Или еще честнее по отношению к себе: «‹…› мне думается, что, если бы я никогда не брался за Холмса, затмившего мое более серьезное творчество, я занимал бы сейчас в литературе более значительное место». Да, Шерлок Холмс шел с Конан Дойлом бок о бок всю его литературную жизнь, от начала и до конца, результатом чего явились четыре детективные повести: «Этюд в багровых тонах» (1887), «Знак четырех» (1890), «Собака Баскервилей» (1902), «Долина страха» (1915) – и пятьдесят шесть рассказов-расследований, собранных в пять сборников: «Приключения Шерлока Холмса» (1892), «Записки о Шерлоке Холмсе» (1894), «Возвращение Шерлока Холмса» (1905), «Его прощальный поклон» (1917) и «Архив Шерлока Холмса» (1927). Похоронив своего создателя, Шерлок Холмс продолжил свой путь в литературе в одиночку, вернее – с другими, известными и малоизвестными, писателями, отлично осознающими, что рассказ или роман с участием детектива с Бейкер-стрит – беспроигрышный ход для книги, которую изголодавшаяся по своему любимцу публика купит непременно.

Можно сколь угодно ругать книги о Шерлоке Холмсе за отсутствие стиля и схематизм сюжета, за примитивность литературной техники и самодовлеющую интригу, за то и за это, а главное – за то, что автор везде идет на поводу у публики, которой хочется, чтобы ее развлекали и только (а Конан Доил и не скрывал, что эти книги написаны им в «другой, более непритязательной манере», чем остальные, и «под заказ»), но невозможно отрицать одного: с образом самого Шерлока Холмса писатель угадал. И не просто угадал: Шерлок Холмс вошел в литературу, как кинжал в ножны – на свое место, которое было пустым и ждало именно его. Появился в нужное время – ни часом раньше, ни часом позже: в самый раз. Поэтому все, кто был до него – дюпены и лекоки – выглядят предтечей, а те, кто после – патер Браун, мисс Марпл, комиссар Мегрэ – последователями. Навсегда.

Известно, что мать успеха – своевременность. Поторопившегося еще не ждут, опоздавший приходит к шапочному разбору. Поздневикторианская эпоха с ее сциентизмом и неоромантизмом была именно тем временем, когда должен был появиться Шерлок Холмс. Вот он и появился.

А теперь внимание: появившись в свое время, он мог там и остаться, не перешагнув его границ; последующие, другие эпохи его могли и не принять. Но, как мы теперь видим, Шерлок Холмс был рожден для вечности.

Есть такие герои в литературе: Одиссей, Иисус Христос, король Артур, Фауст, Дон Кихот, Гамлет, Дон Жуан – появившись, они потом уже никогда не умирают, а навечно поселяются в ней, заставляя все новые и новые поколения писателей по-своему излагать истории их судеб. И тогда получаются «Каменный гость», «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», «Улисс», «Возвращение Дон Кихота», «Мастер и Маргарита», «Доктор Фаустус», «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Секрет живучести этих героев – в их характерах, наделенных общечеловеческими и вневременными чертами, настолько художественно обобщенными, что кажется – все про тебя: они живут твоей жизнью и каждый раз решают те же, что и ты, проблемы. А главное – то, что им постоянно, из века в век, приходится совершать свой выбор между правдой и ложью, долгом и чувством, жизнью и смертью, наконец, и именно это делает их характеры сложными и противоречивыми, то есть неисчерпаемыми, открытыми для будущих интерпретаций.

Парадокс Конан Дойла в том, что написанные им книги о Шерлоке Холмсе – да, непритязательны и схематичны, но образ главного героя получился при этом глубоким, сложным и разносторонним. Загадка? Эту загадку подметили и пытались решить еще современники писателя. Роберт Андерсон – никакой не литератор, а шеф уголовного сыска Скотленд-Ярда – написал в 1903 году: «Чарльз Рид ‹…› как-то сказал, что у писателя нет лучшего способа подтвердить свой талант, чем создать новый художественный тип. Если так, автору «Приключений Шерлока Холмса» должно принадлежать одно из первых мест среди современных прозаиков. Успех сэра Артура Конан Доила тем удивительнее, что в его герое нет абсолютно ничего такого, что очаровывало бы или отвращало читателя. Шерлок Холмс нам интересен, но он не возбуждает ни любви, ни ненависти и не толкает нас на благородные, прекрасные, великодушные поступки. Однако имя его вошло в язык, и в этом смысле он бессмертен».

«Ни любви, ни ненависти» – все верно, но что же тогда? Симпатия, более глубокое, интимное чувство. Фауст, Гамлет, даже Иисус, если ты не христианин, тоже не вызывают ни любви, ни ненависти, но ближе нам, чем те герои, которых мы обожаем или на дух не переносим. Шерлок Холмс – сноб, эгоцентрик, заявляющий о своем презрении к мирозданию с первых же страниц, но всегда готов помочь человеку, попавшему в беду, и до конца сражаться со злом и несправедливостью. Ради чего? Получается, что ради самой справедливости и ради человека, которого он в грош не ставит. Скажите, мог ли такой характер кануть в бездну непритязательной литературы и не стать в один ряд с Фаустом и Дон Жуаном?

И еще: сколько необходимо было написать произведений о Шерлоке Холмсе, чтобы его характер окончательно выкристаллизовался и навсегда остался в литературе – все шестьдесят, как в итоге, или хватило бы и трети этого, как сначала планировал сам автор?

Написав после повестей «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех» шесть рассказов о приключениях лондонского сыщика, которые после публикации в журнале «Стрэнд» наконец-то сделали писателя знаменитым и, кроме известности, принесли ему немалый гонорар: по тридцать пять фунтов стерлингов за рассказ, – Конан Дойл устал от своего героя, и когда редакция попросила новых «шерлокхолмсовских» вещей, отказал. «Стрэнд» продолжал упрашивать: читатели хотели еще, – и Конан Дойл дал себя уговорить, подняв планку гонорара до пятидесяти фунтов за рассказ. За несколько недель он написал пять новых историй о Шерлоке Холмсе, решив, что в следующем, шестом, поставит финальную точку в судьбе героя. «Я собираюсь убить Холмса в шестом рассказе и навсегда с ним покончить. Он отвлекает меня от более важных вещей», – признавался Конан Дойл в письме матери. Не получилось: мать писателя, которой образ благородного сыщика очень полюбился, возмутилась: «Не делай этого! Ты не имеешь права!» – и что бы не только словом, но и делом повлиять на его решение, сама предложила ему следующий «шерлокхолмсовский» сюжет,

в котором герой оставался жив и здоров. «Он все еще жив, благодаря твоему заступничеству», – ответил матери Конан Дойл.

Вскоре все двенадцать рассказов вышли отдельной книжкой, а гонорар за нее позволил писателю навсегда отказаться от медицинской практики и посвятить всего себя литературе. Но не Шерлоку Холмсу, а настоящей, «серьезной»: историческим романам «Изгнанники: История двух континентов» и «Великая тень» и семейной повести «Приключения в загородном доме». И вероятно, Конан Дойл никогда больше не вернулся бы мыслями к своему герою, если бы «Стрэнд», тиражи которого благодаря Шерлоку Холмсу росли и росли, не начал снова упрашивать. Когда же Конан Дойл, чтобы это выглядело так, будто не он отказал, а журнал сам отказался, запросил неслыханный по тем временам гонорар: тысячу фунтов за двенадцать новых рассказов, – «Стрэнд» согласился не торгуясь.

Деньги – это прекрасно, но есть еще писательская репутация, а прославиться на весь мир только как автор «Шерлока Холмса» – значило навсегда распрощаться с надеждой остаться в литературе «серьезным» писателем. И в заключительном, двенадцатом рассказе нового цикла – «Последнем деле Холмса» – Конан Дойл все-таки расправился со своим героем, руками профессора Мориарти столкнув Шерлока Холмса в Рейхенбахский водопад. Все, это место – «достойно стать могилой бедному Шерлоку, пусть даже я похороню вместе с ним свой банковский счет». «Убил Холмса», – с облегчением напишет Конан Дойл в своем дневнике.

Назаддороги не было, и теперь на протяжении десяти лет Конан Дойлу предстоит оправдываться перед публикой за свой поступок. Например, так: «Бедняга Холмс погиб навеки. Я получил такую его передозировку, что ощущаю по отношению к нему примерно то же самое, что к pate de foi gras, которым как-то объелся, – меня до сих пор тошнит от одного его имени». Или так: «Меня часто ругают за то, что я умертвил этого джентльмена, но я считаю это не убийством, а самозащитой, ибо, не лиши я его жизни, он наверняка убил бы меня».

А оправдываться было перед кем: разъяренная публика негодовала и готова была линчевать писателя. В редакцию несчастного «Стрэнда», и так после публикации «Последнего дела Холмса» потерявшего двадцать тысяч подписчиков, посыпались письма с оскорблениями и угрозами; в лондонском Сити все чаще и чаще можно было видеть молодых людей с черными лентами на шляпах – в знак траура по любимому герою; говорили, что даже члены королевской семьи переживают смерть Холмса как потерю близкого человека. Массовый психоз? И в это самое время у Конан Дойла умирает отец, а у жены диагностируют скоротечную чахотку. Реальное человеческое горе – и какой-то безумный карнавал с панихидой по бумажному человечку. Нет, Конан Дойл всегда подозревал, что публика… гм… мягко говоря, не слишком умна, но не до такой же степени! Если б он мог, он убил бы Шерлока Холмса снова и снова.

Как же так получилось, что через десять лет Конан Дойл воскресил Холмса? Деньги – свидетельствуют все как один биографы писателя, проклятое золото мира, способное совратить даже такого невольника чести, каким был Конан Дойл. Особенно если у невольника большая семья и большие траты. А тут американский журнал «Кольерс уикли», предлагающий двадцать пять тысяч долларов (довольно значительный даже по нашим временам гонорар, а для 1903 года вообще невероятный, баснословный) за шесть новых рассказов о Шерлоке Холмсе; тридцать тысяч, если рассказов будет восемь, и сорок пять тысяч за тринадцать. Но обязательное условие: Шерлок Холмс должен быть именно воскрешен, а вся эта история с его как бы гибелью – как-то внятно объяснена.

«Им овладел какой-то холодный цинизм. ‹…› Есличитателям этого хочется, он отныне будет выдавать только тщательно отделанную ремесленную продукцию и будет получать за нее столько, сколько эти ненормальные издатели готовы платить. Он может даже увлечься

этим занятием, но только весьма поверхностно. Главное, что в ближайший год, или около того, замыслил он создать новый роман из средневековья в пару к «Белому отряду», где собирался наглядно показать публике ее заблуждения», – пишет Джон Диксон Карр.

«Согласен. А. К Д.» – ответил писатель американскому журналу. Так появился цикл из тринадцати новых рассказов, составивших сборник «Возвращение Шерлока Холмса». Конан Дойл знал, на что шел: реанимировав своего демона-героя, он отныне навечно становился его заложником. Заложником ли? И все ли дело в деньгах?

«Возвращение» было написано подозрительно быстро: за год, с октября 1903 по декабрь 1904 года (впоследствии Конан Дойл выдавал публике не более одного рассказа в год), – словно было подготовлено заранее и только и ждало своего часа…

«Эмма Бовари – это я», – сказал Гюстав Флобер, и все его поняли не так. «Если Холмс и существует, то, должен признаться, – это я сам и есть», – поделился в 1918 году с американским журналистом Хейдоном Коффином, больше похожий на доктора Ватсона Конан Дойл, только его тоже не услышали. В 1903 году Конан Дойл был одним из самых знаменитых, самых читаемых писателей в мире и известен отнюдь не только благодаря Шерлоку Холмсу. Какой резон ему, человеку небедному, недавно получившему из рук короля рыцарское звание, благополучно похоронившему Шерлока Холмса десять лет назад, пережив при этом публичную порку со стороны читателей, – когда страсти утихли и все смирились с тем, что любимый герой мертв, возвращаться к нему? Незачем. Разве что если он – Шерлок Холмс – никогда не умирал.

А он и не умирал. «Бесхолмсовское» десятилетие Конан Дойла на самом деле никогда не было «бесхолмсовским». Умерев для всех, Холмс продолжает присутствовать в творчестве Конан Дойла – призраком, почти незаметно: в образах других героев, в их поступках и интонации, в сюжетных перипетиях, при внимательном чтении напоминающих нам о нем. «Весной 1898 года перед поездкой в Италию он (Конан Дойл – А. К) закончил три рассказа, открывающих в «Стрэнде» новую серию «Рассказов у камелька»: «Охотник за жуками», «Человек с часами» и «Исчезнувший экстренный поезд». В последнем из них Шерлок Холмс, хоть и не названный, присутствует как бы «за кулисами». Имеющий глаза да увидит.

А порой главный герой Конан Дойла не выдерживал и представал перед публикой собственной персоной – во всем своем великолепии. Как это было в пьесе «Шерлок Холмс», поставленной в 1899 году, и в повести «Собака Баскервилей», написанной в 1901–1902 годах.

Как-то Конан Дойл уже намеревался показать героев «шерлокхолмсовского» цикла театральному зрителю и переписал для сцены «Этюд в багровых тонах». Ничего не получилось: пьеса «Ангелы тьмы» вышла слабенькой, автор положил ее «в стол» и навсегда забыл о ней. Почему? Может быть потому, что Шерлок Холмс в ней вообще не появляется: «Ангелы тьмы» повествуют об американском периоде жизни доктора Ватсона, о его работе врачом в Сан-Франциско, одевушке, которую он любил до встречи с Мэри Морстен.

Теперь же, в конце 1897 года, Конан Дойл переложил на язык театра рассказы «Скандал в Богемии» и «Последнее дело Холмса» и назвал пьесу так, какдолжен был назвать – «Шерлок Холмс». С британскими постановщиками как-то не сладилось, зато американские – и кто! – знаменитый актер Уильям Джиллет, чье имя прогремело на всех театральных подмостках Старого и Нового света, – как всегда, самые пылкие поклонники Шерлока Холмса, выразили бурное желание увидеть прославленного сыщика на сцене. Правда, для этого Шерлока Холмса необходимо было женить. И вообще переписать детективную пьесу, превратив ее в мелодраму (Джиллет предлагал это сделать сам).

Женить Шерлока Холмса! Это все равно что женить Иисуса Христа или Гамлета. Но Конан Дойл почему-то соглашается, равнодушно машет рукой: «Можете женить его, можете убить, делайте с ним, что хотите». Не потому ли, что ему хочется увидеть своего

демона на сцене, живого и невредимого? (Между прочим, хотя Джиллет и перекроил пьесу до неузнаваемости, ему удалось создать весьма жизнеспособное творение. И кстати, знаменитую фразу, без которой теперь немыслим образ Холмса: «Элементарно, Ватсон», – придумал тоже Джиллет. И не только это: Джиллет обогатил образ Шерлока Холмса множеством мелких, но существенных деталей, вроде плаща-крылатки и трубки из тыквы-горлянки, которые с тех пор прочно ассоциируются именно с великим сыщиком. И – раз уж зашла речь о джиллетовской постановке – как-то в ней одну из второстепенных ролей сыграл начинающий актер Чарли Чаплин.)

Что же касается «Собаки Баскервилей», написанной в то же «бесхолмсовское» десятилетие, то сначала в этой «готической» повести Шерлока Холмса и в помине не было. Он появился в ней самовольно. «Первоначально, как Конан Дойл признавался Дж. Е. Ходдеру Уильямсу ‹…›, ему и в голову не приходило использовать Шерлока Холмса. Но вскоре, когда он стал сводить воедино все детали, стало ясно, что надо всем этим должен стоять некий вершитель судеб. «И тогда я подумал, – говорил он Ходдеру Уильямсу, – зачем мне изобретать такой персонаж, когда у меня есть Холмс?»»

С одной стороны – «меня тошнит от одного его имени», с другой – «Шерлок Холмс – это я», а посередине – автор, любящий своего героя так, как, уверен он, не способен любить, понять ни один читатель. Писать очередной рассказ о Холмсе на потребу публике – значит предать его, себя. Как в такой ситуации поступит человек чести? Убьет своего героя, чтобы не слышать, как его имя затирает толпа.

Вот возможный ответ на вопрос, на самом ли деле ненавидел Конан Дойл Шерлока Холмса.

И в завершение темы – о недоразумениях, несовпадениях и нестыковках в «шерлокхолмсовском» цикле. Об этом тоже много говорят. В «Этюде в багровых тонах» Ватсон рассказывает, что был ранен в плечо, а в следующем произведении, «Знаке четырех», оказывается, что в ногу. Везде, кроме рассказа «Человек с рассеченной губой», Ватсона зовут Джоном; а здесь жена называет его Джеймсом. Вообще, если выстроить все приключения Холмса в хронологическом порядке, то обнаруживается, что Ватсон женился не один раз, а шесть – иначе не объяснить, как он в нужный момент каждый раз оказывался на Бейкер-стрит, а не жил у себя дома, с Мэри.

Есть в «шерлокиане» и промахи, касающиеся области специальных знаний. Еще первые читатели поставили автору на вид, что лошадей на ипподромах тренируют и купают по утрам, а не по вечерам, как написано в рассказе «Серебряный», и что по следу колес велосипеда невозможно узнать, в какую сторону он ехал – вопреки тому, что написано в рассказе «Случай в интернате».

Анахронизмов и нестыковок в «шерлокхолмсовском» цикле тоже много. Некоторые из них приводит Александр Шабуров в статье «Живее всех живых. Заметки о Шерлоке Холмсе»: «Письмо, посланное Холмсу мисс Мэри Морстен 7 июля, пришло почему-то «осенним вечером». Это при том, что по британской почте можно было сверять часы. 24 апреля 1891 года Холмс говорит Ватсону: «Вы, я думаю, ничего не слышали о профессоре Мориарти. Гениально и непостижимо!» А ведь они имели удовольствие неоднократно беседовать о профессоре еще в январе 1888 года – в «Долине страха»! После схватки с профессором Мориарти 4 мая 1891 года Великий детектив исчезает и возвращается лишь в ночь на 1 апреля 1894-го, однако события, описанные Ватсоном в «Вистериа-лодж», происходят в марте 1894 года.

8 том же году полковника Морана казнят за убийство, но в 1902 году Холмс заявляет, что он еще жив! Орхидеи, которые доктора Ватсона просит сорвать жена Стэплтона в «Собаке Баскервилей», в октябре в Англии не цветут. И это только цветочки!.. Змея в «Пестрой ленте» (по утверждению серпентологов) не способна спускаться и подниматься по сво-

бодно висящему шнуру. Если собаку Баскервилей намазать фосфором, то она а) потеряет нюх и б) тут же все с себя слижет. А у андаманского аборигена из «Знака четырех» ну никак не могло быть «копны всклокоченных волос» вследствие обычая этой народности брить себе голову».

Но разве станешь отвлекаться и перепроверять факты, когда тебе диктует вдохновение: вперед, вперед без остановки!

К тому же Конан Дойл не реалист, он неоромантик и сказочник. А в сказках своя логика, своя система время исчисления и свои законы природы. Сказочный мир принимают целиком – со всей его небывальщиной и чудесами. Да, сам Шерлок Холмс – олицетворение здравого смысла и жесткой, непогрешимой логики, но воспринимается он как сказочный герой. Если применять к его образу те же методы логики, какими он пользуется в своих расследованиях, то он развалится на части и мы увидим, что Шерлока Холмса быть не могло, потому что таких людей не бывает в природе.

Правда жизни и правда искусства: тридцатилетний студент Гамлет, лермонтовская гривастая львица, развесистая клюква Дюма-отца… Гете, найдя нестыковку в «Макбете», объясняет это так: «‹…› Шекспир всякий раз заставляет своих персонажей говорить то, что наиболее уместно, действенно и хорошо в данном случае, пренебрегая тем, что их слова вступают в мнимое противоречие со сказанным ранее или позднее. ‹…› Свои творения он видел живыми, подвижными, быстро протекающими перед взором и слухом зрителя, которые, однако, нельзя настолько удержать в памяти, чтобы подвергнуть их мелочной критике. Ему важно было одно: моментальное впечатление». Отнесите эти слова и к Конан Дойлу.

Остается добавить, что сам писатель никогда и не скрывал собственных промахов. Хотя при этом отлично сознавал, что великолепие вымысла в искусстве куда ценнее голой правды факта. «Помнится, я сочинил и повествование о Новой Зеландии ‹…›. Один новозеландский критик отметил, что я указал, будто описанная мной ферма отстоит от города Нельсона ровно на девяносто миль ‹…›, а в таком случае она находится на дне Тихого океана милях в двадцати от берега. Подобные небольшие ляпсусы порой случаются. Иной раз аккуратность необходима, а порой все построено на идее, и место действия совершенно несущественно».

V

Конан Дойл знал, что писателей на том свете судят как всех людей, а не за то, как и что они написали. И всегда, в любой ситуации старался быть Конан Дойлом – человеком чести – и, как Шерлок Холмс, приходить на помощь тем, кто попал в беду.

Артур Игнатиус Конан Дойл родился 22 мая 1859 года в Эдинбурге, в семье ирландских католиков. Его дед по отцу в двадцатилетнем возрасте перебрался из Дублина в Лондон и со временем прославился как художник: портретист и шар жист. Его называют родоначальником политической карикатуры. Четверо его сыновей также стали художниками. Отец писателя, Чарльз Олтемонт Дойл, когда ему было девятнадцать, навсегда покинул Лондон и осел в Эдинбурге, где получил работу младшего инспектора в Шотландском строительном управлении. Через три года он женился на внучке своей домохозяйки, Мэри Фоули.

Артур был четвертым из десяти детей Чарльза и Мэри Дойл. Второе имя – Конан – он, как и его старшая сестра Анна, получил от крестного отца – двоюродного деда, жив шего в Париже.

«‹…› склонность к сочинительству идет у меня <…> от матери. ‹…› Если я что-нибудь и помню со времен моего раннего детства, так это ее увлекательные рассказы ‹…›. Я убеждаюсь, оглядываясь на прошлое, что именно стремление воспроизвести эти рассказы детства дало толчок к развитию моей собственной фантазии».

Чарльз Дойл – талантливый, но сильно пьющий художник (он закончит свои дни в психиатрической лечебнице) – был неспособен содержать свое многодетное семейство, и когда Артуру исполнилось девять, заботу о его образовании взяли на себя его состоятельные дяди. Ему пришлось покинуть дом, Шотландию и уехать в Англию. Два года он учился в подготовительной школе Ходцер-хауз, потом пять – в Стоунихерст-колледже, мужской привилегированной школе для детей католиков в графстве Ланкашир.

В то время монахи-иезуиты давали лучшее среднее образование в Европе, но и наказывали нещадно своих воспитанников за малейшую провинность. «Меня били чаще других, но не потому, что я отличался каким-то особым злонравием, а потому, что натура моя‹…› восставала против угроз и находила извращенный поводдля гордости, показывая, что силой ее нельзя усмирить. И я совершал самые озорные и возмутительные поступки, просто чтобы показать, что дух мой не сломлен».

Крикет и чтение – вот что скрашивало будущему писателю суровость стоунихерстских лет. Страсть к спорту во всех его разновидностях станет определяющей чертой характера этого человека. Капитан стоунихерстской команды, капитан портсмутского крикетного клуба, «один из надежнейших защитников футбольной ассоциации в Хэмпшире», велосипедные, потом – автомобильные гонки, боксерский ринг, гольф, бильярд, регби, парусная регата, полеты на воздушных шарах и самых первых самолетах – спорт значил в жизни Конан Дойла не меньше, чем литература, писательство.

Что же до литературного таланта, то в Конан Дойле он впервые был замечен в пять лет. Первое произведение было посвящено описанию охоты на бенгальского тигра: сверкали сабли, гремели выстрелы. Потом, в Стоунихерсте, «в сырые, пасмурные дни зимних каникул меня сажали на стол, а вокруг на полу, уткнувшись подбородками в кулаки, сидели на корточках мальчики. И я до хрипоты рассказывал им о злоключениях моих героев – неделю за неделей эти несчастные сражались, рубились, стонали от ран во имя развлечения моей маленькой компании».

Но главный герой появится в жизни Конан Дойла в 1876 году, когда он станет студентом медицинского факультета Эдинбургского университета. Эдинбургский университет славился на весь мир своей медицинской школой, а его самой замечательной личностью был

тридцатидевятилетний доктор Джозеф Белл, кумир студентов, не пропускавших ни одной его лекции. При диагностировании больного доктор Белл демонстрировал чудеса наблюдательности. Благодаря собственному методу дедуктивного анализа он с ходу определял, где живет, чем занимается, женат или холост пациент и еще десятки мельчайших деталей, помогавших как можно ближе подобраться к диагнозу болезни. Конан Дойл зарекомендовал себя способным студентом: в конце второго курса доктор Белл назначил его своим секретарем.

К студенческим годам относятся и первые литературные опыты Конан Дойла: короткие рассказы «Тайна Сасасской долины», «Подлинная история о привидениях Горсторпской усадьбы» и «Американская повесть». Это «страшные», мистические истории о невероятных происшествиях. «Тайна Сасасской долины» была опубликована в октябре 1879 года в журнале «Чемберс», правда, в довольно урезанном виде: при публикации редактор выбросил из нее всю «чертовщину». За этот рассказ начинающий писатель получил первый в своей жизни гонорар: три фунта три шиллинга.

В феврале 1880 года, чтобы заработать деньги на последний год обучения, Конан Дойл нанялся корабельным врачом на китобойное судно «Надежда» и семь месяцев провел в Арктике, охотясь на тюленей и китов. Через год Конан Дойл отправляется в четырехмесячное плавание – тоже в качестве корабельного врача – к берегам Западной Африки.

Романтика дальних стран сменяется прозой будней в Плимуте, а потом в Саутси – пригороде Портсмута. Конан Дойл открывает врачебную практику. Пациентов у него мало, и все свободное время он отдает писательству. Его рассказы публикуются в журналах. Первый роман – «История Джона Смита» – потерялся при пересылке и так никогда и не был найден.

В 1885 году Конан Дойл защищает диссертацию и становится доктором медицины. В том же году он женится на сестре своего пациента – Луизе Хокинс.

Второй роман – «Торговый дом Герлдстон» – начатый зимой 1884-го и законченный через два года, не заинтересовал издателей.

В январе 1889 родилась Мэри – первая из пяти детей Конан Дойла. Через год, оставив Мэри на попечение бабушки, Конан Дойл с женой едут на четыре месяца в Вену, где он, решив специализироваться как окулист, посещает лекции по глазным болезням.

Возвращаются супруги Дойл не в Саутси, а в Лондон. Доктор Конан Дойл снова открывает практику, на этот раз как офтальмолог. Однако ни один пациент не прибегнул к его услугам. Конан Дойл принимает давно назревавшее решение: оставить медицину, чтобы посвятить себя литературе. В 1891 году, благодаря Шерлоку Холмсу, он уже может себе это позволить.

В ноябре 1892-го родился сын Аллейн Кингсли, а в следующем году у Луизы, жалующейся на боль в боку и кашель, открылся туберкулез.

Конан Дойл борется за жизнь жены. Окружает ее заботой и вниманием, следит за ее состоянием и неотлучно ухаживает за ней. Ему удается спасти ее: Луиза проживет еще тринадцать лет, и все эти годы он будет рядом с ней. Даже когда в 1897-го влюбится – очень сильно – в Джин Лекки, не оставит больную жену и не оскорбит ее изменой. Десять лет платонических отношений с Джин увенчаются свадьбой, но уже после смерти Луизы в 1906 году.

Любовь к Джин стала для Конан Дойла серьезным испытанием. О том, как писатель прошел его, рассказывает Джон Диксон Карр: «Конан Дойл, конечно, не был святым…. И все же, зная его происхождение, воспитание и убеждения, нам нетрудно предсказать, как он должен был себя повести…. Он был женат на женщине, к которой испытывал глубочайшую привязанность и уважение и которая тем более имела на него все права, что была немощна. Он поклялся себе, что никогда не причинит ей боли, и сдержал свое слово».

Из написанного им в 1890-е годы наибольший интерес для литературы представляют во многом автобиографический роман «Загадка Старка Монро»; серия рассказов о приключениях бригадира Жерара; имевшая огромный успех пьеса «Ватерлоо»; любимый самим писателем, первый в истории литературы роман о боксе «Родни Стоун» и наконец самая светлая и душевная книга писателя – повесть «Дуэт со вступлением хора».

Свой, к тому времени уже сформировавшийся писательский метод Конан Доил определял так: «Первейшая задача романиста – плести интригу. Если интриги нет, чего ради писать?»

Интрига – для книг. В жизни Конан Дойл всегда выбирал прямой и честный путь. В 1899 году, когда началась англо-бурская война, писатель объявил своей семье, что идет добровольцем. Его не взяли: возраст, лишний вес. Тогда он записался в полевой госпиталь.

Скольких солдат спас доктор Конан Дойл на той войне – неизвестно. Художник Мортимер Мемпес писал: «Д-р Конан Дойл работал, как лошадь, пока ему, буквально насквозь пропитанному заразой, не приходилось мчаться на холмы за глотком свежего воздуха. Это один из тех людей, кто делает Англию великой».

Однако Конан Дойл послужил родине не только скальпелем, но и пером. Война еще официально не закончилась, как издательство «Смит и Элдер» выпустило его публицистический труд «Великая бурская война». Через два года эту книгу дополнила «Война в Южной Африке: ее причины и ведение».

В 1902 году Артур Конан Дойл стал сэром Артуром: был пожалован рыцарским званием. Которого он, впрочем, не хотел принимать. «Вся моя работа для страны покажется мне осквернённой, если я приму так называемую «награду». Может быть, это гордыня, может быть, глупость, но я не могу пойти на это. Звание, которым я более всего дорожу, – это звание доктора, достигаемое самопожертвованием и целеустремленностью. Я не снизойду до иного звания». Мать настояла, приведя решающий аргумент: отказ от награды оскорбит корону; и Конан Дойл, не в силах возразить, сдался.

Однако быть Конан Дойлом – это значит быть не только доктором Ватсоном, но и Шерлоком Холмсом. После того как вышли первые книги о лондонском сыщике, на Конан Дойла обрушился поток писем со всего мира: его просили помочь в том или ином запутанном деле, сулили огромные гонорары. За такие дела Конан Дойл не брался никогда, зато не отказывал тем, кто попал в беду, но не имел денег нанять профессионального детектива.

О делах Джорджа Идалджи и Оскара Слейтера, которые станут самыми знаменитыми в его шерлокхолмсовском списке (первое из них ляжет в сюжет романа известного современного британского писателя Джулиана Барнса «Артур и Джордж» (2005)), Конан Дойл тоже узнал из газет. Джорджа Идалджи – молодого юриста, полуангличанина-полуиндийца, – несмотря на алиби и шаткость улик, обвинили в том, что он калечил скот, и приговорили к семи годам каторжных работ. Через три года его выпустили, но обвинение при этом снято не было. Идалджи не мог устроиться на работу, вернуться к нормальной жизни, да и вообще – его имя, пока не нашли настоящего преступника, было запятнанным. Ему оставалось только одно: рассылать письма в газеты с просьбой о помощи.

Конан Дойл посвятил делу Идалджи восемь месяцев напряженного труда, отложив все свои дела и войдя в немалые расходы. Писатель провел расследование, собрал недостающие в деле факты, провел несколько экспертиз и опубликовал ряд статей, в которых, оправдывая невиновного, обвинял суд в фабрикации дела, подтасовке фактов и в расизме. Статьи Конан Дойла стали сенсацией и вызвали большую общественную реакцию. Министерство внутреннихдел выразило готовность пересмотреть дело Идалджи и создало комиссию, но, увы, для того, чтобы снова дать делу ход, не было соответствующего юридического механизма – апелляционного суда.

На этом Конан Дойл не останавливается: ему начинают приходить письма с угрозами от настоящего преступника, а он продолжает расследование до полного оправдания Идалджи. В конце концов ему удалось установить личность преступника и – помогая одному человеку, ты помогаешь всем – добиться учреждения в Великобритании апелляционного суда.

Оскар Слейтер – немецкий иммигрант – был обвинен в убийстве пожилой дамы и приговорен к смертной казни, позже замененной на пожизненное заключение. Как и в случае с Идалджи, доказательства в деле Слейтера были хлипкими, свидетели путались и меняли показания, но другого кандидата в обвиняемые у суда не было. И снова Конан Дойл с полной самоотдачей взялся восстанавливать справедливость: анализировать факты, выстраивать линию защиты, писать статьи, чтобы своим именем и авторитетом привлечь общественность к фигуре несчастного. И в этот раз, в конце концов, он выиграет дело, только потратит на него куда больше времени: восемнадцать лет.

Когда разразилась Первая мировая, пятидесятипятилетний писатель в первые же дни обратился в военное министерство. Ему, естественно, отказали, но и сидеть сложа руки он не мог.

«Не получив разрешения пойти на войну, Конан Дойл нашел другие способы добиться, чтобы его голос был услышан. ‹…› Конан Дойл без промедления собрал группу в сто двадцать гражданских лиц. Отряд Конан Дойла первым получил право формирования добровольческих отрядов и стал называться: Шестой Королевский суссекский волонтерский батальон». Это была первая в истории Англии кампания добровольческого резерва.

На фронт Конан Дойлу удалось попасть только в 1916 году. В качестве наблюдателя и хроникера. Результатом этой поездки стала публицистическая книга «На трех фронтах», вышедшая в июне 1916-го, – объективный отчет о том, что он видел собственными глазами. С этого же года начинает выходить и шеститомная «История действий английских войск во Франции и Фландрии».

Однако по-прежнему, несмотря на столь активное участие в жизни своей страны, Конан Дойл и в XX веке остается прежде всего писателем, беллетристом. В 1905-ом он закончил исторический роман «Сэр Найджел» («Это моя абсолютная вершина!» – написал он матери) – книгу-спутник «Белого отряда»; в 1912 и 1913 годах выходят научно-фантастические повести «Затерянный мир» и «Отравленный пояс»; он продолжает писать повести и рассказы из «шерлокхолмсовского» цикла, пьесы и многое другое.

Не иссяк источник вдохновения и в 1920-е. И пыл борьбы за справедливость тоже не угас. Первого июля 1930 года, за шесть дней до смерти, старый и больной, собрав оставшиеся силы, «Конан Дойл последний раз вышел на позиции. В течение нескольких последних месяцев он боролся против старинного закона, который назывался «Закон против ведовства», был принят еще при Якове I, а ныне реанимирован как инструмент против преследования медиумов. ‹…› Конан Дойл попросил министра внутренних дел Дж. Р. Клайнса принять его. Джин сопровождала мужа в министерство и, сжимая в кулаке пузырек с нюхательной солью, озабоченно смотрела, как муж с трудом подымается с кресла и начинает читать заготовленную речь».

А. П. Краснящих.

Этюд в багровых тонах

Часть I
(Из воспоминаний доктора Джона Х. Ватсона, бывшего полкового лекаря.)

Глава I
Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я, получив степень доктора медицины в Лондонском университете, отправился в Нетли[1], чтобы пройти дополнительный курс, обязательный для всех военных врачей. По окончании я был зачислен в Пятый нортумберлендский стрелковый полк[2] на должность младшего хирурга. В то время наш полк базировался в Индии, но, еще до того, как я успел прибыть в расположение, началась Вторая афганская война[3], так что, высадившись в Бомбее, я узнал, что мой корпус ушел далеко в тыл противника и к тому времени уже находился в самом сердце вражеской территории. Однако я, как и многие другие офицеры, оказавшиеся в подобном положении, решил все же последовать за своим полком. Без особых приключений мне удалось добраться до Кандагара[4]. Там я нашел свою часть[5] и без промедления приступил к исполнению новых обязанностей.

Во время этой военной кампании многие снискали себе славу героев и заслужили повышение в звании, но только не я. Для меня это были сплошные беды и неудачи. Из моей бригады меня перевели к беркширцам[6], так что в роковой битве при Майванде[7] я участвовал уже вместе с ними. Там я и получил ранение в плечо; пуля, выпущенная из длинноствольного джезайла[8], раздробила кость и задела подключичную артерию. Я бы попал в руки беспощадных гази[9], если бы не верный Мюррей, мой ординарец, который не оставил меня в беде. Он мужественно взвалил меня на спину вьючной лошади и сумел доставить в расположение британцев.

---

[1] Нетли – город в графстве Хэмпшир на юге Англии. *(Здесь и далее примеч. А. П. Краснящих, если не указано иное.)*

[2] Нортумберленд – графство на северо-востоке Великобритании.

[3] Вторая англо-афганская война проходила в 1878–1880 годах и окончилась установлением Великобританией полного контроля над афганской внешней политикой. Первая англо-афганская война (1838–1840) – принесла Великобритании поражение; третья (1919) – завершилась победой Афганистана и признанием со стороны британского правительства его независимости.

[4] Кандагар – город на юге Афганистана, центр одноименной провинции.

[5] Историческая неточность. «Ватсон никак не мог догнать 5-й стрелковый полк в Кандагаре, потому что этот полк никогда там не квартировал. Полк был частью войск Пешаварской долины и использовался в Хай-берском проходе, Базарной долине, в Ланди-Котал и Джелалабаде на северных территориях. Уж скорее он мог присоединиться к 66-му (Беркширскому) полку, хотя, оставаясь с ними, он не попал бы в Афганистан по крайней мере еще год, поскольку беркширцы отбыли из Бомбея в Кандагар только в начале 1880 года» (Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности (мир Шерлока Холмса. Краткий путеводитель для авторов и читателей). – М.: Форум, 2007. – С. 163).

[6] Беркшир – графство на юго-востоке Великобритании.

[7] Битва при Майванде – 27 июля 1880 года у местечка Майванд в восьмидесяти километрах от Кандагара афганцы под предводительством Аюб-хана разгромили двухсполовинойтысячную бригаду генерала Джорджа Берроуза.

[8] Джезайл – афганский капсюльный или кремневый мушкет.

[9] Гази (от араб, «газа» – воевать) – участник газавата, т. е. «священной войны» мусульман против «неверных».

Меня, измученного болью и ослабевшего от бесконечных тягот армейской жизни, вместе с другими ранеными эшелоном отправили в главный госпиталь в Пешаваре[10]. Там я немного подлечился и оправился настолько, что уже мог без посторонней помощи перемещаться по палатам и даже выходил на веранду, но тут меня сразил брюшной тиф, проклятие наших индийских владений. Несколько месяцев моя жизнь висела на волоске, но когда я все же преодолел болезнь и стал постепенно идти на поправку, медицинская комиссия, приняв во внимание мое ужасное истощение и общую слабость организма, пришла к выводу, что меня необходимо как можно скорее отправить домой, в Англию. Итак, на военно-транспортном корабле «Оронтес» я отплыл к родным берегам и спустя месяц высадился в Портсмуте[11]. Здоровье мое было безвозвратно потеряно, но правительство выделило мне пенсию, чтобы последующие девять месяцев я мог заниматься его восстановлением.

В Англии у меня не было ни родных, ни близких знакомых, поэтому, чувствуя себя вольной птицей (вернее, вольной ровно настолько, насколько позволял доход в одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день), я, естественно, направился в Лондон – Мекку для всех бездельников и лентяев Империи. В столице я остановился в одной из частных гостиниц на Стрэнде и какое-то время прожил там в бесцельной праздности, тратя деньги намного более свободно, чем следовало бы в моем положении. В конце концов состояние моих финансовых дел стало таким тревожным, что передо мной встал выбор: либо покинуть Лондон и уехать куда-нибудь в деревню, либо в корне поменять образ жизни. Выбрав второй путь, я начал с того, что решил первым делом переселиться из гостиницы в какое-нибудь менее престижное, но и не такое дорогое место. Тот день, когда это решение окончательно сформировалось у меня в голове, я решил отметить походом в бар. Когда я уже стоял у двери «Крайтериена», кто-то похлопал меня по плечу. Обернувшись, я увидел молодого Стамфорда, который был у меня ассистентом, когда я еще работал в Бартсе. Для одинокого человека встретить знакомое лицо в лондонском муравейнике – великая радость. Хоть закадычными друзьями мы со Стамфордом никогда не были, я тепло приветствовал его, и он, в свою очередь, похоже, тоже был рад встрече. От избытка чувств я пригласил его пообедать со мной в ресторане, и мы тут же взяли экипаж и отправились в «Холборн».

– Ватсон, чем вы все это время занимались? – спросил Стэмфорд, рассматривая меня с нескрываемым любопытством, когда мы тряслись по запруженным лондонским улицам. – Вы высохли как щепка и загорели как папуас.

Я в общих чертах описал ему свои приключения и закончил рассказ, как раз когда мы подъехали к ресторану.

– Вот ведь не повезло! – сочувственно покачал головой Стэмфорд, выслушав меня до конца. – И чем вы теперь собираетесь заняться?

– Хочу подыскать себе жилье, – ответил я. – Пытаюсь найти ответ на вопрос, можно ли найти в Лондоне приличные комнаты за разумную цену?

– Странно, – заметил мой попутчик. – Сегодня вы уже второй человек, от которого я слышу эти слова.

– А кто был первым? – поинтересовался я.

– Один мой приятель. Он работает в химической лаборатории при нашей больнице. Сегодня он все утро жаловался, что нашел прекрасные комнаты, но для него они дороговаты, а найти компаньона никак не получается.

---

[10] Пешавар – город в Пакистане, недалеко от границы с Афганистаном.

[11] Портсмут – город и порт на юге Великобритании, у пролива Ла-Манш. А. Конан Дойл прожил в Портсмуте – точнее, в его пригороде Саутси – восемь лет (1882–1890), держа там частную врачебную практику.

– Надо же! – воскликнул я. – Так если он действительно ищет компаньона, чтобы жить в одной квартире и платить пополам, то я именно тот человек, который ему нужен. Да и мне было бы гораздо интереснее жить с соседом, чем одному.

Молодой Стэмфорд как-то странно посмотрел на меня поверх бокала с вином.

– Да, но вы не знаете Шерлока Холмса, – сказал он. – Может статься, что вам не захочется делить с ним кров.

– Что же в нем такого плохого?

– Я не говорил, что в нем есть что-то плохое, просто он немного… странноват. Он, пожалуй, слишком увлечен отдельными областями науки, но, насколько мне известно, Холмс – вполне порядочный человек.

– Надо полагать, он учится на медицинском факультете? – сказал я.

– Нет… Я понятия не имею, чем он вообще занимается. Он неплохо разбирается в анатомии и отлично знает химию, но, по-моему, никогда не посещал никаких систематических занятий по медицине. Его знания весьма неупорядоченны и обрывочны, но этих знаний у него столько, что он мог бы заткнуть за пояс многих профессоров.

– И что же, вы так ни разу у него и не спросили, для чего он изучает химию?

– Нет. Холмс не из тех людей, которые любят поболтать, хотя, если ему что-то интересно, он может быть довольно разговорчив.

– Думаю, мне стоит с ним встретиться, – сказал я. – Если уж и снимать квартиру с кем-нибудь, так уж лучше пусть это будет человек науки со спокойным характером. Я еще недостаточно окреп, чтобы переносить много шума или суматоху. В Афганистане этого было столько, что мне хватит на всю оставшуюся жизнь. Как бы мне встретиться с этим вашим другом?

– Он наверняка сейчас сидит в лаборатории, – сообщил мой собеседник. – Холмс или не вылезает из нее сутками, или не бывает там месяцами. Если хотите, можем прокатиться туда после обеда.

– Конечно! – воскликнул я, и наш разговор перешел на другие темы.

Когда мы, покинув «Холборн», направились к больнице, Стэмфорд снабдил меня еще некоторыми подробностями о джентльмене, с которым я собирался делить крышу над головой.

– Только меня не винить, если вы с ним не сойдетесь, – сказал он. – Мне о Холмсе не известно ничего, кроме того, что я знаю о нем по встречам в лаборатории, да и там мы с ним видимся не так уж часто. Вы сами захотели с ним встретиться, так что вся ответственность на вас.

– Если уж мы действительно не уживемся, то нам ничто не помешает разъехаться, – сказал я. – Что-то мне кажется, Стэмфорд, – я с подозрением посмотрел на попутчика, – что вы уж слишком активно отстраняетесь от этого дела. Неужели у этого парня такой уж несносный характер? Или проблема в чем-то другом? Говорите прямо.

– Бывают вещи, которые трудно выразить словами, – засмеялся Стэмфорд. – Мне, например, кажется, что Холмс уж чересчур увлечен наукой… Он какой-то бездушный, что ли. Такое впечатление, что он мог бы подсыпать своему другу в еду какой-нибудь недавно открытый растительный алкалоид[12], нет, не по злобе, конечно, просто из научного любопытства, чтобы понять, какое это произведет воздействие на организм. Впрочем, надо сказать, что Холмс так же охотно и сам принял бы яд. Похоже, его главное увлечение в жизни – это точные, достоверные знания.

---

[12] Алкалоиды (от ср. – век. лат. alkali – щелочь – и греч. eidos – вид) – азотсодержащие химические соединения в основном растительного происхождения. Оказывают физиологическое действие на организм животных и человека, преимущественно на нервную систему, благодаря чему применяются в медицине. Алкалоидами являются кофеин, морфин, эфедрин и др.

– По-моему, это отлично.

– Да, но это может переходить границы. Когда дело доходит до избиения мертвецов палками в прозекторской, это уже выглядит довольно странно.

– Избиения мертвецов?

– Да, чтобы выяснить, какие кровоподтеки могут образоваться на теле после смерти. Я сам видел, как он этим занимался.

– Так вы точно знаете, что он не учится на медицинском факультете?

– Да. Одному Богу известно, что он изучает. Однако мы уже почти пришли. Вам лучше самому составить о нем мнение.

Мы свернули на узкую улочку и вошли в небольшую дверь, которая вела в один из флигелей громадного здания больницы. Здесь я был не впервые, так что мне не нужно было показывать дорогу, когда мы поднимались по массивной каменной лестнице и шли по бесконечному коридору с побеленными стенами вдоль одинаковых серых дверей. В конце от коридора отделялось неприметное ответвление с низким сводчатым потолком, которое и вело в химическую лабораторию.

Это огромное помещение было сплошь забито химической посудой. Низкие широкие столы щетинились ретортами, пробирками и маленькими бунзеновскими горелками[13] с подрагивающими голубыми язычками пламени. В комнате находился лишь один студент. Он сидел в дальнем углу, низко наклонившись над одним из столов, и явно был поглощен работой. Услышав наши шаги, он обернулся и, узнав моего попутчика, вскочил со стула и огласил лабораторию радостным криком:

– Нашел! Нашел!

С торжествующим видом студент бросился нам навстречу с пробиркой в руке.

– Представляете, мне все-таки удалось найти реагент, который осаждается только гемоглобином и ничем иным!

Наверное, на его лице не отразилось бы большей радости, если бы он открыл золотоносную жилу.

– Доктор Ватсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас друг другу Стэмфорд.

– Здравствуйте, – радушно приветствовал меня молодой человек пожатием руки, которое оказалось крепче, чем можно было ожидать. – Надо полагать, вы недавно из Афганистана.

– Да, а как вы догадались? – опешил я.

– Пустяки, – усмехнувшись, бросил он. – Гемоглобин, вот что сейчас важно. Вы, конечно, понимаете, какое значение имеет мое открытие.

– Несомненно, это весьма важно для химии, – сказал я. – Нос практической точки зрения…

– Что вы, для судебной медицины это самое практичное из открытий нескольких последних лет! Разве вы не понимаете, что это дает возможность безошибочно распознавать кровь? Вот смотрите. – Холмс нетерпеливо схватил меня за рукав и потащил к столу, за которым работал до нашего прихода. – Давайте возьмем немного свежей крови, – с этими словами он вонзил длинную булавку себе в палец. Выступившую каплю крови он собрал химической пипеткой. – Сейчас я растворю это ничтожное количество крови в литре воды. Вы видите, что в результате вода осталась такой же прозрачной и ничем не отличается от обычной чистой воды, верно? Соотношение крови к воде не более чем один к миллиону. Но я абсолютно уверен, что сейчас мы увидим характерную реакцию.

---

[13] Бунзеновская горелка – немецкий физик Роберт Вильгельм Бунзен (1811–1899) изобрел газовую горелку (1855), названную его именем.

Говоря это, Холмс бросил в сосуд несколько белых кристалликов, после чего добавил пару капель прозрачной жидкости. Тут же содержимое сосуда окрасилось в коричневатый цвет и на дно стеклянной банки опустился бурый осадок.

– Ха-ха! – торжествующе вскричал Шерлок Холмс и даже захлопал в ладоши, ликуя, как ребенок, получивший новую игрушку. – Что вы на это скажете?

– Весьма любопытно, – заметил я.

– Прекрасно! Замечательно! Старый метод с гваяковой смолой[14] был весьма неудобен и давал большую погрешность. Как и изучение частиц крови через микроскоп – оно вообще применимо только в том случае, когда пятна крови свежие. Если им несколько часов, микроскопическое исследование бесполезно. Теперь же не имеет значения, насколько стара кровь. Если бы мой метод был открыт раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно разгуливают на свободе, были бы привлечены к ответственности за свои преступления.

– Да, действительно, – пробормотал я.

– Для очень многих уголовных дел именно этот пункт имеет решающее значение. Иногда подозреваемого задерживают через несколько месяцев после того, как было совершено преступление. Предположим, при обследовании его одежды и вещей были обнаружены пятна бурого цвета. Что это? Следы крови, грязи, ржавчины или капли сока, наконец? Этот-то вопрос и ставил в тупик большинство экспертов. А почему? Потому что не существовало способа точно установить их природу. С появлением метода Шерло ка Холмса это будет проще простого.

Сверкая глазами, он приложил руку к сердцу и поклонился, должно быть представил себе рукоплещущую толпу.

– Вас, очевидно, следует поздравить, – заметил я, несколько удивившись его воодушевлению.

– В прошлом году во Франкфурте рассматривалось дело фон Бишофа. Если бы тогда существовал мой метод, его бы наверняка повесили. А Мэйсон из Брэдфорда! А знаменитый Мюллер, а Лефевр из Монпелье или Сэмсон из Нового Орлеана! Я могу перечислить десятки дел, в которых это открытие сыграло бы решающую роль.

– Вы, похоже, настоящий ходячий справочник преступлений, – рассмеявшись, вставил Стэмфорд. – Вам нужно издавать газету на эту тему. Назовите ее «Криминальные новости вчерашнего дня».

– Это было бы весьма интересное издание, – вскользь заметил Шерлок Холмс, заклеивая пластырем ранку на пальце. – Нужно быть осторожным, – сказал он и с сияющим лицом повернулся ко мне. – Я часто имею дело с ядами.

Он протянул вперед руку, и я увидел, что вся она усеяна маленькими кусочками пластыря и кожа на ней была неестественного белого цвета – явно от воздействия какой-то сильной кислоты.

– Однако мы пришли не просто так, – перешел к делу Стэмфорд. Он уселся на высокий табурет на трех ножках и носком ботинка подтолкнул мне второй такой же. – Мой друг подыскивает себе жилье, и, поскольку вы жаловались, что не можете найти соседа по квартире, я решил вас познакомить.

Судя по лицу Шерлока Холмса, перспектива жить со мной под одной крышей его обрадовала.

– Я уже присмотрел квартиру на Бейкер-стрит, – сказал он. – Она вполне подойдет нам обоим. Надеюсь, вы ничего не имеете против запаха крепкого табака?

– Я и сам курю сигары, – ответил я.

---

[14] Гваяковая смола (росный ладан) получают из древесины ядра гваякового дерева (гваякума), растущего в тропических лесах Латинской Америки. Использовалась как реактив на гемоглобин.

– Прекрасно. Я постоянно вожусь с химическими реактивами и иногда провожу опыты. Это не доставит вам неудобств?

– Никоим образом.

– Так… Какие у меня еще недостатки? Иногда я впадаю в хандру и не разговариваю по нескольку дней. Но когда такое происходит, не думайте, что я чем-то обижен. Просто не трогайте меня, и скоро я приду в норму. А в чем можете признаться вы? Двум молодым мужчинам всегда лучше знать отрицательные черты друг друга, если они собираются жить вместе.

От такого вопроса я рассмеялся.

– У меня щенок бульдога[15], – сказал я. – И я не люблю шума, потому что у меня расшатаны нервы. Еще я имею привычку просыпаться посреди ночи, и к тому же страшно ленив. У меня есть и другие отрицательные черты, но они проявляются, только когда я здоров, так что на сегодняшний день это все.

– А игру на скрипке вы не относите к шуму? – с тревогой в голосе спросил Холмс.

– Все зависит от скрипача, – ответил я. – Если скрипач хорош, слушать его – наслаждение. Если плох…

– Отлично, – засмеялся он. – Думаю, можно считать, что мы договорились… Конечно, если вас устроит квартира.

– Когда можно на нее посмотреть?

– Заезжайте за мной сюда завтра в полдень. Съездим вместе на Бейкер-стрит и все уладим, – ответил он.

– Хорошо… Завтра ровно в полдень, – сказал я, и мы пожали друг другу руки.

Оставив Шерлока Холмса в химической лаборатории, мы пошли пешком к моей гостинице.

– Кстати. – Я вдруг остановился и повернулся к Стамфорду. – Как, черт возьми, он догадался, что я вернулся из Афганистана?

Мой попутчик загадочно улыбнулся.

– Это его конек, – сказал он. – Многие хотели бы знать, как он обо всем догадывается.

– Ага! Здесь попахивает загадкой! – воскликнул я, потирая руки. – Это интригует. Я очень благодарен вам за то, что вы нас познакомили. В конце концов, ведь «подлинное познание всего человечества – это познание одного человека»[16].

– В таком случае, лучшего объекта для познания вам не найти, – сказал мне на прощание Стэмфорд – Только Холмс – крепкий орешек. Бьюсь об заклад, что он уже знает о вас больше, чем вы о нем. Всего доброго.

– Всего доброго, – ответил я и зашагал дальше к гостинице, размышляя о своем новом знакомом.

Глава II
Искусство делать выводы

Как и было условлено, мы с Шерлоком Холмсом встретились на следующий день ровно в полдень и, не откладывая дела в долгий ящик, сразу же поехали смотреть квартиру в доме номер 221 – Б на Бейкер – стрит[17], о которой он говорил во время нашей пер-

[15] Один из типичных ляпсусов А. Конан Дойла. Больше Джон Ватсон об этом щенке никогда не вспомнит и в доме миссис Хадсон поселится без него.

[16] Афоризм английского поэта Александра Попа (1688–1744). *(Примеч. пер.)*

[17] При жизни А. Конан Дойла Бейкер-стрит насчитывала восемьдесят четыре дома. Дом 221 на ней появился в 1930 году,

вой встречи. В квартире были две уютные спальни и просторная общая гостиная с двумя большими окнами, обставленная удобной мебелью[18]. Апартаменты показались нам подходящими во всех отношениях, а плата, если делить на двоих, оказалась столь незначительной, что мы тут же договорились о найме. В тот же вечер я перевез свои вещи из гостиницы, Шерлок Холмс привез несколько коробок и чемоданов на следующее утро. Еще пару дней ушло на то, чтобы разобрать и разместить в квартире наше имущество. Покончив с этой непростой работой, мы наконец смогли расслабиться и стали обживать свой новый дом.

Холмс оказался не самым худшим соседом. Шума он не создавал и придерживался постоянного распорядка дня. Почти не бывало такого, чтобы он ложился спать после десяти, а завтракал и уходил Холмс рано утром, еще до того, как я просыпался. Иногда он весь день проводил в химической лаборатории, иногда в прозекторской, а бывало, что просто гулял, и, что интересно, похоже, в самых глухих районах Сити[19]. Иногда Шерлок Холмс уходил в работу с головой, и тогда ничто не могло сравниться с его энергичностью, но бывало, что его охватывала какая-то непонятная хандра, и тогда он мог целый день пролежать на диване в гостиной, не произнося ни слова и даже не шевелясь. В такие дни я замечал в его глазах такое умиротворенное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы своего соседа в употреблении какого-нибудь наркотика, если бы не знал, насколько он сдержан в своих желаниях.

Шли недели, и мой интерес к этому человеку вместе с намерением разобраться в его целях и взглядах на жизнь постепенно становились глубже и острее. Даже внешний вид Холмса способен был привлечь внимание случайного наблюдателя. Росту в нем было более шести футов[20], а благодаря необычайной поджарости он казался и того выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, кроме тех периодов оцепенения, о которых я уже упоминал. Узкий ястребиный нос придавал его лицу оттенок настороженности и решительности. К тому же у Холмса был квадратный выступающий подбородок, характерный для людей уверенных в себе и энергичных. Руки Шерлока Холмса постоянно были в чернильных пятнах и следах от химикатов, но, несмотря на это, он обладал необычайной точностью движений, в чем я не раз имел возможность убедиться, наблюдая за тем, как он управляется со своими хрупкими алхимическими приборами.

Меня, вероятно, можно посчитать докучливым любителем совать нос в чужие дела, если я признаюсь, какой интерес вызвал у меня этот человек и как часто я пытался пробиться сквозь стену молчаливой замкнутости, которой Холмс окружил все, что касалось его самого. Но, прежде чем читатель вынесет мне приговор, я хочу напомнить, какой бесцель-

---

когда в нее влились сначала Йорк-стрит, потом Аппер-Бейкер-стрит. «О том, имел ли сам Дойл в виду какой-то конкретный дом, когда в 1886 году помещал своего героя на Бейкер-стрит, практически ничего не известно. Единственное прямое указание имеется в воспоминаниях сэра Гарольда Морриса (1876–1967) «Взгляд назад» (1960). Сэр Гарольд утверждал, что однажды Конан Дойл обратился кего отцу, известному врачу-дерматологу доктору Малколму Моррису (1849–1927), с которым обсуждал многие детали задуманной им серии детективных рассказов о Шерлоке Холмсе, с вопросом о наиболее подходящем лондонском районе для проживания героев, и тот сказал: «Почему бы не поместить его и Уотсона на Бейкер-стрит, в дом 21, где мой дед Джон Моррис жил после отставки из Бомбейской гражданской службы?» По утверждению сэра Гарольда, Конан Дойлу понравилась идея насчет Бейкер-стрит, и он отправился взглянуть на № 21. ‹…› Полагая, что жильцы могут возражать, если он даст дому настоящий адрес и поселит там своего детектива, Дойл добавил цифру 2 перед номером дома и сделал гостиную о двух окнах, а не о трех, как это было в действительности» (Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности… – С. 15–16). «Буква «б» (сокращение от «бис» (от лат. bis – дважды – А. К)), по утверждению автора классическихxолмсианских книг Майкла Харрисона («По стопам Шерлока Холмса» и «Лондон Шерлока Холмса»), указывала на то, что квартира Холмса и Уотсона располагалась над магазином или конторскими помещениями, имевшими отдельный вход» (там же. С. 23).

[18] В последующих произведениях шерлокианы герои А. Конан Дойла будут говорить о гостиной как о маленькой комнатке.

[19] Сити (City, англ. city – город) – исторически сложившийся деловой и культурный центр Лондона.

[20] То есть Шерлок Холмс был довольно высоким человеком: больше 1 метра 83 сантиметров (в 1 футе 0,3048 метра).

ной была моя жизнь и сколь мало меня окружало такого, на что я мог бы обратить свое внимание. Здоровье не позволяло мне выходить на улицу, кроме тех дней, когда погода была исключительно благоприятной, к тому же у меня не было друзей, которые навещали бы меня и нарушали однообразие моего существования. В данных обстоятельствах я по-настоящему обрадовался тайне, которая ореолом окружала моего соседа, и проводил значительную часть своего времени в попытках разгадать ее.

Медицину Холмс не изучал. Как-то раз он сам в ответ на мой прямой вопрос подтвердил предположение Стамфорда относительного этого пункта. Никаких книг, которые обычно штудируют желающие получить ученую степень в науке или какой-либо другой области, в его руках я не видел. Но в то же время его интерес к определенным дисциплинам был очевиден, хотя кое в чем познания Холмса были поразительно узки и ограничены. Нет сомнения, что никто не стал бы так отдаваться работе или добиваться такой скрупулезной точности в деталях, если бы перед ним не стояла определенная цель. Те, кто занимается чтением бессистемно, редко отличаются особым вниманием к малозначительным деталям прочитанного. Никто не забивает себе голову мелочами, если на то нет серьезных оснований.

Невежество Холмса было так же примечательно, как и его эрудиция. О современной литературе, философии и политике он не знал ровным счетом ничего. Однажды, когда я процитировал Томаса Карлейля[21], Шерлок Холмс с самым простодушным видом поинтересовался, кто это такой и чем он известен. Впрочем, мое изумление достигло предела, когда я случайно узнал, что мой сосед не знаком с теорией Коперника[22] и строением Солнечной системы. Я просто не мог взять в толк, как это образованный человек девятнадцатого века может не знать, что Земля вращается вокруг Солнца.

– Вы, кажется, удивлены, – улыбнулся Холмс, видя мое изумление. – Теперь, когда вы мне об этом сообщили, я постараюсь как можно быстрее это забыть.

– Забыть?

---

[21] Томас Карлейль (1795–1881) – английский публицист, историк и философ, автор книг «Сартор Резартус» (1834), «Прошлое и настоящее» (1843), «История французской революции» (в 3-хтомах, 1837), «Современные памфлеты» (1850) и др. В работе «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1840) сформулировал концепцию «культа героев», согласно которой историю творят великие личности, а не массы. О том, что имя Т. Карлейля возникло в повести А. Конан Дойла неслучайно (а также о том, что в первом произведении шерлокианы писателю – в плане общности интересов – еще ближе образ доктора Ватсона, свободно цитирующего Т. Карлейля, нежели Холмса, ничего о нем не знающего), можно судить по письму, написанному А. Конан Дойлом за полтора месяца до начала работы над «Этюдом в багровых тонах» и направленному в редакцию портсмутской газеты «Хэмпшир пост», где оно и было опубликовано 29 января 1886 года. Письмо А. Конан Дойла было ответом на большую статью, напечатан-ную несколькими днями ранее этой газетой. В статье критически оценивалась личность Т. Карлейля и особенно его человеческие качества. А. Конан Дойл счел своим долгом вступиться за покойного философа. Вот выдержки из его письма: «Не было еще в истории литературы скандала более мелочного и вызывающего глубочайшее сожаление, чем те нападки, которым подвергся Карлейль сразу же после своей кончины. Смел ли кто при жизни шепнуть против него хоть слово? Но вот старый лев испускает дух, и стая шакалов от мала до велика набрасывается на его бездыханный труп!»; «Главный грех Карлейля состоял в том, что он говорил правду; из всех проступков этот в нашем мире прощается наименее охотно»; «Выутверждаете, будто Карлейль жаловался нудно и всегда на одно и то же. Согласимся же, что последовательность – не порок. Далее Вы утверждаете, что влияние его идей падает. Трудно вообразить себе нечто более далекое от истинного положения дел. Влияние Карлейля не просто возрастает: только оно практически и определяет сегодня взгляды нового поколения. И спустя триста лет Карлейль будет возвышаться над авторами Викторианской эпохи точно так же, как Шекспир высится над своими елизаветинскими современниками. Впрочем, ответ на вопрос об истинной ценности учений Карлейля способно дать только время. Сесть за это письмо меня вынудили нападки личного свойства. Подобно мухам, липнущим к наименее аппетитным частям мясной туши, критики облюбовали себе относительно темные уголки великого разума. Строгость, с какой они его судят, может ввести в заблуждение человека, не изучавшего обсуждаемый предмет самостоятельно. В надежде свести вероятность этого к минимуму я и рискнул побеспоить Вас этим длинным письмом». (Конан-Дойль А. Карлейль: философ и личность // Конан-Дойль А. Уроки жизни.: Пер. с англ. – М.: Аграф, 2003. – С. 62–65.)

[22] Согласно теории польского астронома Николая Коперника (1473–1543), в центре Солнечной системы находится Солнце, а не Земля, как было принято считать до этого; Земля же и другие планеты Солнечной системы вращаются вокруг Солнца. Гелиоцентрическая теория изложена Коперником в работе «Об обращениях небесных сфер» (1543), запрещенной католической церковью с 1616 по 1828 год.

– Видите ли, – пояснил он, – я считаю, что мозг человека изначально чем-то похож на маленький пустой чердак, и вы сами должны выбирать, чем его заполнить. Дурак тащит в него все, что попадается ему на глаза, и в результате знания, которые могут оказаться полезными, теряются среди ненужного хлама. В лучшем случае, чтобы до них добраться, приходится разгрести целую кучу мусора. Человек вдумчивый очень внимательно выбирает то, что поместить на своем чердаке. Там у него хранятся только те инструменты, которые необходимы ему для работы, но их у него много, и все они содержатся в идеальном порядке. Неправильно думать, что стенки этой небольшой комнатки эластичны и могут расширяться до любых размеров. Рано или поздно наступает такой момент, когда, для того чтобы запомнить что-то новое, приходится забыть кое-что из того, что вы знали раньше. Поэтому чрезвычайно важно не забивать память ненужными знаниями, которые мешают сохранять необходимые.

– Но это же Солнечная система! – не унимался я.

– Что Солнечная система? – нетерпеливо оборвал меня Холмс. – Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Если бы мы вращались вокруг Луны, для меня и моей работы это точно так же не имело бы никакого значения.

Я уже хотел спросить, что это у него за работа такая, но что-то подсказало мне, что в данную минуту этот вопрос был бы не к месту. Позже я обдумал этот короткий разговор и сделал кое-какие выводы. Холмс сказал, что ему не нужны знания, не относящиеся к его работе. Следовательно, все имеющиеся у него знания ему необходимы. Я перечислил в уме все известные мне темы, в которых у него были самые глубокие познания. Я даже взялся за карандаш и принялся составлять список. Закончив, я не смог удержаться от улыбки. Вот как выглядел сей документ:

ШЕРЛОК ХОЛМС – познания и умения.

1. Литература – отсутствуют.

2. Философия – отсутствуют.

3. Астрономия – отсутствуют.

4. Политика – незначительные.

5. Ботаника – отрывочные. Хорошо знаком со свойствами белладонны[23], опиума и ядов вообще. С садоводством не знаком совершенно.

6. Геология – практические, но ограниченные. На глаз различает разные виды почв. После прогулок показывает мне пятна грязи на брюках и по их цвету и консистенции определяет, из каких они районов Лондона.

7. Химия – глубокие.

8. Анатомия – точные, но бессистемные.

9. Криминальная хроника – огромные. Похоже, знает в деталях каждое преступление, совершенное в нашем веке.

10. Хорошо играет на скрипке.

11. Отлично фехтует и боксирует.

12. Прекрасно знает английские законы.

Перечитав составленный список, я в отчаянии швырнул его в камин.

«Если бы только, сопоставив все эти сведения, я разобрался, что движет этим парнем, я смог бы понять род занятий, для которых нужен именно такой набор познаний и навыков, – подумал я. – Нет, пожалуй, это слишком сложно. Можно даже не браться».

Вижу, что я упомянул об умении Холмса играть на скрипке. Действительно, с этим инструментом он управлялся превосходно, но его странности проявлялись даже здесь.

[23] Белладонна – многолетнее травянистое растение семейства пасленовых. Содержит алкалоид атропин, использующийся в медицине.

То, что он мог сыграть даже довольно сложные партии, было мне хорошо известно: однажды по моей просьбе Холмс исполнил «Песни» Мендельсона[24] и кое-что еще из любимых мною вещей, но, оставаясь один, он редко музицировал и вообще извлекал из скрипки звуки похожие на музыку. По вечерам, откинувшись на спинку кресла, Шерлок Холмс закрывал глаза и начинал монотонно водить смычком по струнам, положив скрипку поперек колена. Иногда у него получались довольно громкие и заунывные звуки. Иногда – яркие и веселые. Нет сомнения в том, что они отражали его мысли, но помогала ли музыка мыслительному процессу, или же Холмс играл просто потому, что у него возникало такое желание, я был не в силах понять. Я мог бы потребовать прекратить это издевательство над инструментом, если бы мой сосед каждый раз не заканчивал свои соло быстрым попурри из моих любимых произведений, очевидно, в качестве небольшой компенсации за испытание моего терпения. Первую неделю или около того у нас не было посетителей, и я уже начал подумывать, что мой сосед такой же нелюдим, как и я, но потом выяснилось, что у него довольно много знакомых, причем из самых разных слоев общества. Среди них был один невысокий парень с крысиным лицом землистого цвета и маленькими черными глазками, которого мне представили как мистера Лестрейда. В течение одной недели он побывал у нас три или четыре раза. Однажды утром к нам зашла девушка, одетая по последней моде. Она провела в нашей квартире около получаса или даже больше. В тот же день, только чуть позже, к нам наведался седовласый джентльмен весьма потертого вида, похожий на еврея – уличного торговца. Мне показалось, что он был крайне возбужден. Следом за ним явилась пожилая женщина в стоптанных башмаках. Был случай, когда мой сосед долго беседовал с совершенно седым гостем, а в другой раз – с вокзальным грузчиком в вельветиновой[25] форме. Кто бы из этой пестрой компании ни появлялся в нашем доме, Шерлок Холмс неизменно просил меня оставить его наедине с посетителем в гостиной, и мне приходилось уходить в свою комнату. Впрочем, мой сосед всегда извинялся за причиненные мне неудобства.

– Мне приходится использовать эту комнату в качестве рабочего кабинета, – говорил он. – Все эти люди – мои клиенты.

У меня появился еще один шанс задать прямой вопрос относительно рода его деятельности, но тактичность вновь помешала мне вызвать его на нежелательную откровенность. Я посчитал, что у Холмса есть причины не распространяться на эту тему, но оказалось, что я ошибался, поскольку вскоре он сам завел об этом разговор.

Четвертого марта (у меня были основания запомнить эту дату) я проснулся несколько раньше обычного и застал Шерлока Холмса дома. Он завтракал. Наша домовладелица уже привыкла, что я встаю поздно, поэтому на столе меня не ждали ни завтрак, ни кофе. Со свойственным всем мужчинам беспочвенным раздражением я вызвал ее звонком и сообщил, что уже проснулся и жду завтрака. После этого взял со стола журнал, собираясь с его помощью скоротать время. Мой сосед молча дожевывал гренки. Один из заголовков был обведен карандашом, и я, естественно, пробежал статью глазами.

В ней под несколько претенциозным названием «Книга жизни» рассказывалось о том, как много может узнать внимательный человек, наблюдая за всем, что его окружает.

Меня поразило, как в этом сочинении сплелись воедино удивительная проницательность автора и полнейшая нелепость рассматриваемой им темы. В рассуждениях была логика и здравый смысл, но выводы показались мне чересчур натянутыми и раздутыми. Автор статьи пытался убедить читателя в том, что по выражению лица, малейшему движе-

[24] «Песни без слов» (1829–1845) – фортепианный цикл немецкого композитора Феликса Мендельсона-Бартольди (1809–1847).

[25] Вельветин – то же, что и вельвет.

нию мускулов или взгляду можно определить самые потаенные мысли человека, и опытного специалиста обмануть невозможно: его выводы будут такими же верными, как теоремы Евклида. Для неподготовленного человека это может выглядеть настолько необычно, что, если ему не объяснить, каким образом наблюдатель пришел к своим выводам, он может счесть того колдуном.

«По капле воды, – говорилось в статье, – логик может сделать вывод о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, ни разу в жизни не видев и не слышав ни о первом, ни о втором. Так и вся наша жизнь представляет собой одну гигантскую цепь, о сущности которой можно судить, имея перед глазами лишь одно из звеньев. Как и любой другой вид искусства, искусство делать выводы и анализировать постигается долгим и упорным изучением, но ни один смертный не в состоянии прожить так долго, чтобы достичь в этом искусстве совершенства. Прежде чем углубляться в являющиеся наиболее сложными моральные и психологические аспекты данного вопроса, наблюдателю следует обратиться к решению более простых задач. Для начала можно попытаться, глядя на постороннего человека, определить, чем он занимается, где работает, что пережил. Хоть данное упражнение может на первый взгляд показаться легкомысленным, оно обостряет наблюдательность, помогает понять, на что нужно обращать внимание и как это правильно делать. Ногти, рукава, обувь, пузыри на коленях, мозоли на указательном и большом пальцах, выражение лица, воротник сорочки – любое из перечисленного может дать исчерпывающую информацию о роде деятельности человека. Соединенные воедино, эти факторы дают способному наблюдателю почти полную гарантию безошибочности выводов».

– Какая несусветная чушь! – воскликнул я и швырнул журнал обратно на стол. – Ничего более глупого мне читать не приходилось.

– О чем вы? – спросил Шерлок Холмс.

– Вот об этом, об этой статье, – сказал я и, усаживаясь за завтрак, ткнул ложечкой для яиц в сторону журнала. – Вижу, вы тоже это читали, раз там стоит ваша пометка. Не спорю, написано интересно, но статейки подобного рода меня раздражают. Наверняка все это теории какого-нибудь бездельника, который от нечего делать сидит в своем кабинете в уютном кресле и сочиняет всякие несуществующие парадоксы. К чему все это? Его бы следовало посадить в вагон третьего класса подземки, вот тогда я бы посмотрел, как он стал бы определять профессии попутчиков. Я бы поставил тысячу против одного, что у него ничего не выйдет.

– И проиграли бы, – спокойно обронил Шерлок Холмс. – Что же касается статьи, это я ее написал.

– Вы?

– Да, меня привлекает искусство наблюдать и делать выводы. Теории, которые я изложил в статье и которые показались вам такими оторванными от жизни, на самом деле имеют удивительно широкое практическое применение… Настолько практическое, что с их помощью я зарабатываю себе на хлеб насущный.

– Как это? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Скажем так, это моя профессия. Возможно, во всем мире я единственный, кто занимается этим делом. Я сыщик-консультант, если вы понимаете, что это значит. Здесь в Лондоне полным-полно сыщиков, и государственных, и частных. Когда эти господа заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я направляю их по нужному следу. Когда они предоставляют мне все собранные по делу улики, мне обычно удается, используя свои познания в истории преступлений, расставить все точки над «i». Все противозаконные деяния схожи, так что, если имеешь в своем распоряжении подробности тысячи подобных дел, согласитесь, было бы странно не разобраться в тысяча первом. Лестрейд – хороший сыщик. Последнее дело о подлоге оказалось ему не по зубам, поэтому он и приходил сюда.

– А ваши остальные посетители?

– В основном их направляют ко мне частные сыскные агентства. Все эти люди столкнулись с неприятностями и хотят, чтобы я помог им разобраться. Я выслушиваю их рассказ, а они – мои комментарии, после чего я кладу в карман вознаграждение.

– Вы хотите сказать, – продолжал удивляться я, – что, не покидая своей комнаты, вы способны разгадать загадку, которая ставит в тупик других сыщиков, хотя они обладают той же информацией, что и вы?

– Именно. Чаще всего я полагаюсь на свою интуицию. Но попадаются и случаи посложнее. Тогда мне приходится вылезать из берлоги, чтобы взглянуть на все своими глазами. Видите ли, я располагаю обширными знаниями в определенных областях, которые и использую для решения задач, что значительно упрощает дело. Правила построения выводов, изложенные в статье, которая вызвала у вас такое негодование, для моей работы бесценны. Наблюдение и анализ вошли для меня в привычку. Во время нашей первой встречи вас удивило, когда я упомянул, что вы недавно вернулись из Афганистана.

– Наверное, вам кто-то об этом рассказал.

– Ничего подобного. Я *пришел к выводу,* что вы были в Афганистане. Мысли у меня в голове несутся с такой скоростью, что я вижу конечный результат логической цепочки, даже не задумываясь о промежуточных звеньях. Но тем не менее эти звенья существуют. В вашем случае они складывались в такой последовательности: «Этот джентльмен выглядит как врач, но имеет выправку военного. Значит, он военный врач. Недавно он вернулся из тропиков, поскольку у него смуглое лицо, и это не его естественный оттенок кожи, так как на запястьях кожа светлая. Этот человек пережил физические страдания и перенес болезнь, о чем явно свидетельствует изможденное лицо. Был ранен в левую руку: держит ее осторожно и неестественно, как бы оберегая. Где в тропических широтах английский армейский врач мог так измучиться и получить ранение в руку? Разумеется, только в Афганистане». Раскручивание цепочки не заняло и секунды. Потом я упомянул о вашем возвращении из Афганистана, чем и удивил вас несказанно.

– Мда-а, теперь, после ваших объяснений, все действительно кажется очень просто, – улыбнулся я. – Вы напомнили мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Однако я не представлял себе, что такие люди встречаются не только на страницах книг, но и в жизни.

Шерлок Холмс встал и раскурил трубку.

– Наверняка вы считаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент, – заметил он. – Но лично я считаю Дюпена посредственностью. Его фокус с угадыванием мыслей друга и произнесением своевременного замечания после пятнадцатиминутного молчания кажется мне дешевым трюком, рассчитанным на броский эффект, к тому же весьма

неглубоким. Да, не спорю, Дюпен обладал определенным аналитическим даром, но уж никак не был таким феноменом, каким его видел По.

– А вы читали Габорио? – поинтересовался я. – Лекок соответствует вашему представлению о настоящем сыщике?

Шерлок Холмс презрительно фыркнул.

– Лекок – жалкий дилетант, – отрезал он. – У него была только одна положительная черта – его энергия. Эта книга вывела меня из себя. Перед Лекоком стояла задача выяснить личность заключенного. Я бы с этим справился за сутки. У Лекока на это ушло где-то полгода. Из этой книги вышел бы хороший учебник о том, как не следует вести себя сыщикам.

Надо сказать, меня возмутило, что к двоим из моих любимых литературных персонажей отнеслись так пренебрежительно. Я отошел к окну и стал смотреть на оживленную улицу. «Парень он, конечно, очень умный, – подумал я, – но и зазнайства ему не занимать».

– В наши дни уже не бывает настоящих преступлений и действительно умных преступников, – сокрушенно вздохнул Шерлок Холмс. – Для нашей профессии мозги уже не нужны. Я знаю, что мог бы стать знаменитостью, потому что нет и никогда не было такого человека, который вложил бы в изучение преступлений столько же энергии и природного таланта, сколько вложил в это дело я. И что в результате? Мне не на чем совершенствоваться. Сплошная мелочь, топорно сработанные преступления, в которых мотивы настолько очевидны, что их разглядит даже любой полицейский из Скотленд-Ярда[26].

Его надменная манера вести разговор начала уже порядком меня раздражать, поэтому я решил, что лучше сменить тему.

– Интересно, что там ищет этот парень? – сказал я, кивнув в направлении высокого плечистого мужчины простоватого вида, который медленно шел по противоположной стороне улицы, внимательно всматриваясь в номера на стенах домов. В руках он сжимал большой голубой конверт, который, очевидно, и должен был доставить по нужному адресу.

– Вы имеете в виду этого отставного сержанта морской пехоты? – спросил Шерлок Холмс, подойдя к окну.

«Самонадеянный позер! – продолжал мысленно негодовать я. – Знает ведь, что его нельзя проверить».

Не успел я это подумать, как человек, за которым мы наблюдали, заметив номер над крыльцом нашего дома, перебежал через дорогу. Через секунду раздался громкий стук в дверь, потом снизу послышался густой мужской голос и тяжелые шаги, поднимающиеся по лестнице. Дверь распахнулась.

– Письмо мистеру Шерлоку Холмсу, – сказал вошедший и протянул конверт моему другу.

Мне показалось, что подвернулся удобный случай сбить с зазнавшегося сыщика спесь. Наверняка он не думал, что все так обернется.

– Позвольте спросить, дружище, – обратился я к незнакомцу самым вкрадчивым голосом. – Кем вы работаете?

– Курьером, сэр, – грубовато произнес он. – Форму я пока отдал в починку.

– А кем вы были до этого? – спросил я, злорадно поглядывая на своего соседа.

– Сержантом, сэр. Королевский полк легкой морской пехоты. Ответ будете передавать? Нет? Хорошо, сэр.

Он щелкнул каблуками, попрощался на военный манер, вскинув руку, и вышел из комнаты.

---

[26] Скотленд-Ярд (в переводе с англ. «Шотландский двор») – Лондонское центральное полицейское управление, расположенное в том же месте, где когда-то находилось шотландское посольство в Англии (официальное объединение Англии и Шотландии произошло в 1707 году)

Глава III
Тайна Лористонского сала

Признаюсь, став свидетелем такого наглядного примера практического применения теории моего товарища, я был ошеломлен. Моя оценка его аналитических способностей возросла неимоверно. Конечно, где-то в глубине сознания у меня еще теплилось подозрение, что все это было подстроено заранее, специально чтобы поразить меня, хотя какие цели мог преследовать Шерлок Холмс, втягивая меня в эту игру, оставалось за пределами моего понимания. Когда я перевел на него глаза, он уже успел прочитать письмо, его взгляд сделался отсутствующим, тусклым, что свидетельствовало о напряженной умственной работе.

– Как вам удалось это вычислить? – спросил я.

– Вычислить что? – раздраженно бросил Холмс.

– Ну как? То, что он – отставной сержант морской пехоты.

– У меня сейчас нет времени заниматься пустяками, – резко ответил мой сосед, но тут же с улыбкой добавил: – Прошу прощения за грубость. Вы прервали нить моих умозаключений… Но, пожалуй, даже вовремя. Так что, вы действительно не догадались, что этот мужчина – сержант морской пехоты?

– Нет, не догадался.

– Понять мне это было проще, чем сейчас объяснить вам, как именно я это понял. Если вас попросить объяснить, почему дважды два четыре, вы тоже столкнетесь с определенными трудностями, хотя вы вполне уверены в правильности результата. Даже через улицу я смог разглядеть большой голубой якорь, вытатуированный у него на тыльной стороне ладони. Это навело на мысль о море. Военная выправка и моряцкие бакенбарды. Значит, военный моряк. Вел себя он уверенно, как человек, который осознает собственную важность и привык давать указания. Вы не могли не обратить внимания на то, как он держал голову и размахивал тростью. Солидный, уважаемый мужчина средних лет. Его лицо… В общем, все эти признаки и указали мне на то, что он сержант.

– Просто поразительно! – воскликнул я.

– Ничего особенного, – скромно сказал Холмс, хотя по его лицу было видно, что мое удивление и нескрываемое восхищение ему приятны. – Я только что жаловался, что у нас перевелись настоящие преступники. Похоже, я ошибался… Взгляните!

Он передал мне письмо, доставленное курьером.

– Боже мой! – вскричал я, пробежав глазами записку. – Это ужасно!

В послании говорилось:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме номер три в Лористонском саду за Брикстон-роуд было совершено преступление. Наш патрульный примерно в два часа заметил в доме свет и, поскольку этот дом пустует, решил, что там что-то происходит. Он увидел, что дверь открыта, вошел в прихожую здания, из которого вывезена вся мебель, и обнаружил на полу тело прилично одетого мужчины. В кармане у мужчины лежали визитные карточки с надписью «Енох Джей Дреббер, Кливленд, Огайо, США». Следов ограбления нет. Непонятно, что послужило причиной смерти. Мы не знаем, как он попал в пустой дом. Все это дело представляется мне настоящей загадкой. Если у вас есть возможность, приезжайте по этому адресу, до двенадцати часов я буду там. В ожидании вашего ответа я пока оставляю здесь все status quo[27]. Если не сможете приехать, представлю более детальный отчет позже и буду очень благодарен, если вы поделитесь со мной соображениями по этому делу.

[27] Status quo – латинское выражение, в переводе – «существующее положение». В данном случае: как есть; нетронутым.

Искренне ваш, Тобиас Грегсон».

– Грегсон – самый умный из сыщиков Скотленд-Ярда, – заметил мой друг. – Он и Лестрейд – единственные светлые головы среди дураков. И тот, и другой сноровисты и энергичны, но обоим не хватает… выдумки, души, если хотите. Они привыкли действовать по старинке, к тому же точат зубы друг на друга. Знаете, они ревнивы, как девицы на выданье. Будет довольно смешно, если их обоих бросят на это дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.